

18+

Сергей Пилипенко

Великая империя зла

Сергей Пилипенко
Великая империя зла

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Пилипенко С. В.

Великая империя зла / С. В. Пилипенко — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Роман о смутных временах еще только зарождающейся Османской империи. Тайны, заговоры, внутренние и внешние мятежи. Параллельно развитию ситуации за рубежом раскрывается картина правления и в России. Описываемые события имеют особую историческую ценность, так как раскрывают те белые пятна в русской истории, из-за которых и по сей день наблюдается настоящая путаница в датах правления того или иного царя, а иногда и вовсе отсутствуют целые периоды в обозначении самой власти.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Пролог

В том, что предлагается для чтения несколько ниже, нет ни капли правды документального характера.

Вся достоверность основана на факте изложения души, категоричность которой, несомненно, подтверждена самим временем подобного выражения, но это отнюдь не умаляет той действительно исторической ценности, что присуща тому времени, а, наоборот, даже несколько возвышает ее преимущественно, как величину самой точной информации, полученную когда-либо и от кого-либо из первых уст.

Таким образом, мы сами становимся свидетелями тех разворачивающихся на страницах книги событий и постигаем всю ту участь именно с точки зрения того, что и существовало на тот самый момент времени. Тем самым добываясь истинно реального отображения прошлого без взлета искусственно добытой чьим-то личным воображением мысли.

Сама же документальность, или достоверность, из современных, в настоящем состоящих источников знаний будет служить лишь опорой в деле доказательства, так называемой, оплошности исторического характера, ибо сам документализм не всегда являлся именно тем доказуемым звеном, что способствовало бы добыче реально ценной и фактически правдиво отображенной информации.

История одного, так или иначе, но связана с историей кого-то другого. Именно это обстоятельство и дает нам всем шанс отследить то самое прошлое и наиболее верно отобразить всю информативную суть.

Из осколков чьих-то проходных жизней она слагается, в целом и выражая всю ту общую историю развития нашего до самого настоящего дня.

Той же нитью истории связаны между собой и государства, как часть приложения к тому одинокому человеческому формату, что обозначился во времени чьей-то душой.

Какие-то моменты ее самой и будут представлены ниже, в целом повествуя некий сюжет, который вполне способен отразить время существующих и по сей день человеческих противоречий в ярком торжестве становления самой жизни.

История русских так же, как и других, мало вписывается в формат самого понятия человечности, как таковой, и последовательно выражается на примере всего нескольких людских судеб, имеющих самое непосредственное отношение к вершинам дел государственных, или всецело общечеловеческих связей.

Яркие черты того времени, обрисованные в сюжете, дадут ясно понять все сходство давно уже всеми забытого и отмеченного, как уже пройденное, с временем событий дня настоящего, в предыстории которого предстоит нечто схожее с описываемым и только ждет своего часа, дабы благочинно взойти.

Печально все то или нет – покажет и докажет само время. Но очевидно одно.

Никем не усвоенные уроки прошлого так и будут осаждать нас самих, пока не наступит момент окончательного разбора, или доподлинное выражение естества человеческого ума.

В любом случае, нам всем остается только дожидаться того часа и в очередной раз готовиться к переделу своих собственных судеб.

Возможности времени таковы, что любые границы в их непосредственном очертании в мгновение ока могут быть перечеркнуты, а вся насущная повседневность вполне способна поглотиться естеством дня, превращаясь практически моментально в ту самую старину и отбрасывая самих людей на несколько веков назад от их яркого устремления в будущее.

И сейчас уже нельзя точно, или с уверенностью сказать, что кого-то, возможно, то вовсе не коснется или хоть как-то не затронет.

Если есть общее целое, то, несомненно, обнаружится и общая взаимосвязь, что последовательно воспроизведет указанное, предложив самой истории разобраться в фактах приложения своих собственных моментов не забываемого прошлого.

Но все это еще только предстоит и пока есть время попытаться найти ответ на наши извечно состоящие вопросы.

Потому, обратимся ко времени именно тому, когда дань русская только начинала обозначаться Россией, а великое Османское государство становилось на путь империи и начинало медленно превращаться уже в настоящую современную Турцию.

Возможно, там мы обнаружим недостающие детали дня и попытаемся их уложить в рамки нашей реально отображенной современности.

Во всяком случае, это не навредит и только поспособствует такому понятию, как историческая справедливость.

Но не будем долго задерживаться в предисловии и, пожалуй, просто перейдем к страницам самого романа, тем более что там действительно есть что изучать и постигать, как истину того далекого от нас времени.

Глава 1

Всадник на почти черном, как смоль, коне, пристально вглядывался вдаль. Его смуглое, обветренное во многочисленных походах лицо, явно указывало на происхождение.

Сегодня была суббота. Великий день, но он пренебрег этим.

На кон ложилась его судьба, и, если судно не прибудет в срок, ему конец.

Жеребец вздыбился на задних ногах, и всадник приподнялся на стременах. Где-то там, вдали, почти на горизонте, он увидел то, чего так ждал – белые паруса корабля.

Конь опустился на передние ноги, и всадник повернул его в сторону. Проехавшись по побережью, он обернулся назад.

Позади стояла колонна из сорока воинов, приданных

ему султаном, а чуть дальше – целая ездая колонна из навьюченных лошадей и мулов с пустыми корзинами и мешками.

На каждой из лошадей сидел всадник и погонял рядом стоящим мулом. Часть груза он, конечно, брал и себе.

Всего в ряду насчитывалось около пятисот всадников. Это был самый большой караван, снаряженный когда-либо к морю султаном. И виной всему этому была одна маленькая, но естественная причина.

Всадник должен был встретить худенькую, совсем небольшого роста женщину с младенцем на руках, а вместе с ней и дары от Бахчисарайского Юсуф-паши.

Младенец был сыном султана от иноземки из какой-то не известной всаднику страны, о которой он слышал только в рассказах очень древних воинов, совершавших набеги в те далекие времена.

Имя сына тщательно скрывалось, но всадник знал, что его зовут Гейдан-паша, или маленький Гейдан, так называла его мать, с которой он познакомился совсем недавно, побывав на той стороне огромного моря.

Самого всадника называли эмиром. Он руководил Верхней Палатой настоящего Дивана и являлся одним из главных основателей Великого Совета.

Родом он был из Бухары, но в свое время далекие предки перекочевали в другую страну и там обосновались. Шло время, они обретали власть и потихоньку становились богаче и сильнее.

Спустя несколько веков их род преобразовался в эмирский, а далее в Диванный, так как представители рода всегда имели веское слово.

Настоящее имя его было Абдурахим-Ибн-Из-Дахим, правда в народе это звучало попроще – эмир Абдах.

Он занимал верхнюю строчку в Великой Империи и пользовался практически неограниченной властью, что давало ему право отрубать головы налево и направо.

Никакие мольбы о помиловании не помогали. Имели место только деньги. Только они могли скостить срок заключения в яме или удержаться па плову в этом жадном и кровавом мире.

Эмир Абдах попал в немилость к султану и теперь несколько сожалел о случившемся. Совсем недавно он высказался против его звездочета, обвинив того при этом в недоумстве и лжепророчестве, на что Великий Осман очень рассердился и хотел было приказать отрубить ему голову, но мудрейшие отсоветовали ему делать это и, конечно, в большей степени по политическим причинам.

Имя эмира было широко известно в кругах империи, да и сама занимаемая должность гласила об этом. Подвергнув его казни, можно было навлечь на себя мзду со стороны его рода, и хотя это было не очень опасно, все же султан понимал, что раскол внутри Дивана грозит повернуться расколом империи.

Поэтому, одернув своего первого руководителя в неуместной болтовне и обвинив в слишком уж жестоком отношении к простому народу, султан приказал отправиться встречать его пятьсот шестую по счету жену и доставить во дворец, при этом указав на то, что если этого не произойдет в срок, то вина будет доказана, а соответственно, исполнен и приговор.

Эмир встряхнул головой от тяжелых мыслей и посмотрел вновь на море.

Корабли приближались. Их было несколько. Судя по всему, это галеры, где использовался труд невольников, что, впрочем, оправдывалось, так как частые штилы на море подолгу держали суда в портах, а то и просто среди окружающей бездны волн.

Море никогда не нравилось эмиру, и в душе он желал никогда его больше не видеть. То ли это был страх перед огромной массой воды, то ли просто суеверие, в которое сам почти не верил – он не знал и не понимал.

Но в то же время осознавал, что море не сулит ему хорошего и где-то внутри всегда содрогалась какая-то жилка при виде темного царства воды.

Корабли приближались и уже гораздо лучше были видны борта судов. Огромное количество весел то и дело опускалось на воду, от чего в голове эмира возникал небольшой шум.

Он представлял, как сейчас на бортах судов стоят погонщики и время от времени, хлестая им же подобных, приказывают грести сильнее и лучше.

В основной своей массе это были те, далекие его предки, захваченные когда-то в плен или обращенные в рабов с помощью силы войск. Но, были здесь также и русичи – люди со светлыми головами и почти белой кожей.

Сейчас, когда дела империи шли не особо хорошо, эмир понимал, как важно было настроить народ против иноверцев. И в большей степени, это удавалось.

Пленников, если они убегали, тут же сдавало местное население, получая в награду за это небольшой участок земли под сад от местной власти. Поэтому, убежать было не просто и плененные порой до конца своих дней находились на галерах или где-то еще в других местах.

Их труд здесь, за далекими рубежами их настоящих мест обитания, очень хорошо ценился. Они были выносливы, жизнестойки и особо не привередливы. Поэтому, цена на них была высокой.

Правда, это не касалось самой империи, то есть власти. Они получали это в достатке в качестве свободно существующего налога с работорговцев.

К примеру, если тот продавал пятерых, то из них двоих он должен был отдать эмиру, как лицу, осуществляющему законодательно облагаемую налоговую и другую власть.

Отчасти, это было несправедливо, так как работорговцу приходилось туго при этом, но, что поделать, когда империя нуждалась в рабочей силе и подъеме иерархий вверх.

Занимаемое место в Диванной власти позволяло эмиру широко мыслить о положении дел других государств и открывало доступ к совершенствованию прошлых ошибок времени, а иногда и полностью к их уничтожению.

Им была упразднена общая служба в войсках и использована наемная армия, как знающая свое дело и полагающаяся, главным образом, на золото империи.

В нее входили все: и турки, и персы, и хорваты, и даже несколько сот русичей, пожелавших служить за деньги. И хотя, это было запрещено Кораном и халифатом, эмир не останавливался.

Он понимал, что эти сотни возможно в какой-то момент битвы способны сделать больше, чем целое войско. Это подтверждалось их недавними походами в Персию, где однажды они столкнулись с силой превосходящего противника.

Эмир не был участником заседания того же халифата, хотя и понимал, что это опасно, как для него самого, так и для сподвижников. Его поддерживали многие, но, в большинстве своем, менее знаменитые и именитые, что, естественно, не давало эмиру ощущения всей полноты самой власти в исполнении каких-либо, возникающих время от времени желаний.

Слава доставалась всегда правителю, а он оставался как бы в стороне, тем самым злым исполнителем, от которого зависит судьба каждого в государстве.

Но, отчасти, это его устраивало, так как, оставаясь в стороне, он мог всегда сослаться на власть содержащего. Все приказывалось и приводилось к исполнению именем султана.

Люди вставали с этим и уходили в ночь. Никто и ничто не могли поколебать силу исполнения указа султана. Правда, такие указы обсуждались частью в Диванном Совете и, в большинстве своем, имели реальную здравую мысль.

Но, для простого человека это было непонятно. К тому же ему, обремененному тяжелым трудом, мизерной платой и жалкой содержательностью семьи было вовсе не до такого понятия.

Каждый бедняк только и мечтал получить от властей ту небольшую горстку земли, чтобы заняться земледелием, или хотя бы заполучить документ на право заниматься каким-либо гончарным делом. Но такой выдавался немногим.

В основе своей тем, кто доказывал это своим трудом и представлял в виде доказательства готовую продукцию хорошего качества и пользующуюся спросом у того же населения.

Конечно, самая лучшая часть таких мастеров трудилась на благо самого эмира и империи в целом, но все же были и такие, кто творил чудеса где-то в стороне.

Империя держала слово и не загоняла в крайнюю нужду свой народ. Конечно, он облагался большими налогами, но, ни в коей мере не подтвержденными реальной жизнью.

Для установления подобных ситуаций и истинных причин в среде часто засылались султанские или диванные лазутчики. Их так и называли.

Они же, находясь среди простых, ловили каждое слово и передавали представителям власти, а то и прямо самому султану.

Из полученных сведений и составлялся какой-либо указ или наказ. Но, как это бывает везде, не всегда ухо слышит то, что нужно и не всегда человек поймет то, о чем говорят другие.

Поэтому, часто использовалась и ложная информация, но не потому, что она была искривленно лживой, а только потому, что человек, ее провозглашавший, не совсем понимал происходящее и отражал это в своем уме.

В итоге, указы получались гораздо насыщеннее, злее и строже. К тому же в самой диванной власти существовали противоречия, и некоторые эмиры хотели своей славы и преобладания голоса. Поэтому, они часто подкупали «верных» султану лазутчиков, и те доносили практически ложные сведения.

Бывало, что султан повторял проверку втайне от других и тогда головы летели налево и направо, исключая, правда, самих эмиров, ибо на них никто не ссылался, так как это среди мусульман уподобалось греху.

Но таких случаев было крайне мало, а посему, как говорят, игра стоила свеч. В итоге, некоторые получали дополнительные земли и людей, а также золото, алмазы и другие драгоценности из рук султана.

Все это эмир Абдах знал и частенько говорил самому Осману. Но тот или не хотел это слушать, или просто не хотел понимать, что дело обстоит именно так.

В конце концов, сам Абдах пресытился подобным и перестал что-либо вообще говорить, лишь изредка только вставляя свое слово в решение самого султана...

Наконец, корабли подошли совсем близко к берегу, а на воду спустили небольшие плоты и лодки для погрузки даров. С первого судна была спущена лодка побольше, и эмир увидел, как в нее с борта осторожно шагнула женщина с ребенком на руках.

Абдах облегченно вздохнул. «Слава, Аллаху, – подумал он, мысленно вознеся руки к небу, – она прибыла».

Эмир обернулся и, махнув рукой, дал понять обозу подойти ближе к берегу и заняться перегрузкой.

Судна были Бахчисарайского паши, а место было выбрано специально для сохранения тайны и не навлечения различных банд пройдох и нищих, повсюду рыскавших вокруг берегов основных портов.

И хотя эмир их мало боялся, все же осторожность победила и во время встречи с Юсуф-пашой это место было специально оговорено с глазу на глаз.

Такие меры предпринимались еще и потому, что в империи не было наследников султана. Шла извечная внутренняя борьба за власть родов и племен.

Сам султан был из древнего рода Багдадских шейхов, который обосновался здесь около ста двадцати лет назад.

Рядом же стоящие эмирские семьи и другие ветви относились к не менее древнему роду иерусалимских мусульман.

Халифат не признавал эту борьбу и считал, что основой родовой ветви Османов является настоящий султан.

Поэтому, он призывал всех остальных к единомерию по этому, весьма спорному и трудноразрешимому вопросу, что говорило о его прямой поддержке самого Османа.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как погиб один единственный сын султана при не выясненных до конца обстоятельствах. Тело его нашли возле пальмового забора, проходящего вдоль крепостной стены дворца.

Скорее всего, он был отравлен, о чем свидетельствовал синюшный распухший язык, но доказать это было невозможно и султану оставалось молча погребать своего сына и наследника, при этом загубив немало слуг и придворных, прямо либо косвенно относящихся к его обиходу.

Были казнены и некоторые из не очень довольных эмиров за их словонепослушание и подвержение сомнению слов того же звездочета, который почему-то пользовался огромным уважением султана, несмотря на свой молодой возраст.

Примерно ему было лет тридцать пять, но на вид он выглядел еще моложе. К тому же, не обладал присущей его должности растительностью на лице.

Султан подобрал его на улицах столицы, когда тот предугадал, кто перед ним сидит на камнях. А далее, было просто. Звездочет словно преобразился и начал сочинять стихи, песни, а также предсказывать будущее по звездам.

Немало досталось и самому Абдаху от его предсказаний. И в большей степени все они сбывались, хотя и были лишены порой всякой связи и смысла.

Дело иногда доходило до того, что сам Абдах, идя в разрез со своей совестью, просто напивался и уходил в небытие на некоторое время.

Именно поэтому, он и не любил звездочета и старался хоть как-то ущипнуть или уменьшить влияние на окружающих.

Эмир соскочил с лошади и пошел прямо в воду. Подойдя ближе к берегу, лодка уткнулась в песок, и Абдах, поздоровавшись с сопровождающим жену султана эйфиром, предложил помощь и протянул руки.

Ему вручили небольшой сверток, развернув который эмир обнаружил совсем небольшой алмаз.

Он удивленно поднял брови и спросил у эйфира:

– Что это?

– Это подарок Юсуф-паши нашему маленькому султану, – улыбнулся тот, – а это, – указал он на рядом лежащую коробочку, – документы его происхождения.

– Хорошо, – ответил эмир, – я передам все султану, а что вы еще привезли?

В это время женщина подошла к борту и хотела сойти. Поэтому вопрос повис в воздухе. Абдах аккуратно взял на руки младенца и передал рядом стоящему аскеру, его охраннику, а потом помог женщине сойти на берег.

Разговаривать с ней было запрещено, но все же эмир спросил:

– Вам ничего не нужно?

Та мотнула отрицательно головой и, взяв на руки малыша, пошла к повозке, украшенной различными ленточками, бусинками и другими безделушками женской принадлежности.

Эмир проводил ее взглядом, а затем вновь обратился к порученцу:

– Так, что же паша нам послал кроме этого? – и он указал на удаляющуюся женщину.

– Да, так, немного парчи, ситца, свинца, пороха, разной пряности и, конечно, золота, – ответил улыбающийся эйфир.

– И много? – спросил эмир.

– Увидите сами, – кратко ответил тот, давая понять, что разговор исчерпан.

Абдах знал, что особые порученцы не отличались говорливостью, но любопытство было сильнее знаний, поэтому вновь спросил:

– А, что вы привезли самому султану?

– Огромную трубу, – ответил эйфир, – и несколько карт. Все это указано там, в грамоте, – и он показал на бумагу, свернутую в трубочку в шкатулке.

– Ну что ж, счастливо, – сказал эмир и пошел из воды.

Лодка вновь пошла к кораблю и вскоре была опять нагружена и отправлена к берегу.

Теперь над ней виднелись какие-то сундуки, тючные перевязи и прочие предметы подобных путешествий. Все это мигом сгрузилось и разошлось по каравану. Определить, где, что лежало – было просто невозможно.

Поэтому, эмир только распорядился о скорейшей перегрузке и соблюдении дисциплины.

Он вызвал начальника отряда сопровождения и приказал.

– Сазиф, ты пойдешь в стороне от меня, метрах в пятистах с третьей частью отряда. Одну часть возьму я и пойду впереди, а сзади – твой помощник. В случае чего, ты сразу стреляй безо всякого.

Тот, молча выслушав, кивнул головой, и хотел уже было уйти, когда вдруг эмир сказал:

– А почему я не вижу Эдгара, моего ставленника в твоём отряде?

– Он заболел, – с явной неохотой отозвался начальник охраны, – и не смог ехать даже в повозке.

– А, что с ним такое? – заинтересовался вдруг Абдах.

– То же, что и прежде, – ответил Сазиф и, круто развернув коня, поскакал прочь.

Это означало лишь одно, что его бывший ученик и ставленник в среде охраны мертв.

«Кому-то неуютно видеть меня во главе Дивана, – подумал про себя эмир, – и, наверное, моя ссора с султаном тоже неспроста».

Уже четвертый человек пал неизвестно от чего в ближайшей охране султана. Кто-то хотел подобраться поближе к его ложе или вообще что-то изменить.

«Надо по приезду во всем разобраться, – подумал эмир, – и навести должный порядок в самих султанских хоробах. Что-то здесь не чисто».

А в это время женщина с ребенком на руках сидела в небольшой, но довольно удобной повозке под навесом из обшитого золотом сукна.

Лицо ее скрывала паранджа в виде ярко-убранного тюрбана на голове с не длинной и достаточно темной вуальной прядью.

На руках беззаботно спал младенец. Личико его было смугловатое, но все же несколько отличалось от других лиц, повсюду его окружавших. Мать без усталости колыхала малыша на руках, лишь изредка поднимая голову и всматриваясь в незнакомые лица всадников.

Ее со всех сторон окружала охрана. То были воины, бывавшие в лихих сражениях и не знающие слово усталость.

Их лица, словно маски, были молчаливо недвижимы и скрывали всю нутрь их переживаний. Вооружены они были кривыми саблями, которые называли ятаганами, ножами и недлинными ружьями, на подобии русских фузей.

Колонна, наконец, сформировалась и по сигналу эмира тронулась. Весь поток растянулся более чем на тысячу метров, и Абдах обеспокоенно смотрел по сторонам.

«Охрана охраной, – думал он, – а самому глаз спускать нельзя».

Он поискал глазами султанскую повозку и с облегчением подумал о том, что она не так уж от него далеко, всего лишь метрах в трехстах.

Он специально не афишировал ею и устроил посреди каравана. Так было безопаснее и в случае чего давало возможность уйти незаметно для воюющих.

«Но что это я, – вновь подумал эмир, – об одном и том же. Может, никакой опасности и нет».

Но, какая-то смутная догадка, или предчувствие томило его грудь. Словно какой червь забрался внутрь и не давал покоя. Абдах, то и дело, смотрел по сторонам, наблюдая за горизонтом. Справа было море, и бояться там было нечего, а вот с других сторон вполне можно чего-то дождаться.

Эта территория была уже давно завоеванной Империей, но все же находились смельчаки, которые объединялись в небольшие отряды и нападали на правительственные войска, а то и просто на караваны с целью грабежа.

Некоторых предводителей Абдах даже знал в лицо, так как по долгу службы ему приходилось их видеть.

Они были осуждены ранее на каторжные работы за неисполнение каких-либо указов султана. По неизвестным причинам им удалось бежать из-под стражи и образовать небольшие отряды таких же беглецов. Но, не их боялся эмир.

Он знал, что если те нападут, то воины отразят нападение. Боялся Абдах за измену. Измену в своих собственных рядах, а также за появление непрошенных гостей из-за рубежа их Империи.

Он знал, что к ним часто навевались летучие отряды ветроносимых. Так называли отдельные специально обученные команды, доставляемые сюда на кораблях с целью поднятия непокорных народов и вселения паники среди простого населения.

Однажды он уже встречался с подобными, и битва оказалась жаркой. Но сейчас дело обстояло гораздо хуже.

Кто-то следил за ним и его ходами. Кто-то охотился либо на него, либо на кого-то другого, но подставляя опять же его. Тревожные мысли не покидали его голову до самой первой остановки.

На привал расположились полукольцом и Абдах, объезжая ряды, созерцал за мирной трапезой всадников и части воинского охранения.

Подъехав к султанской повозке, он вновь спросил у женщины, не надо ли чего.

Та отрицательно помахала головой, так ни слова и не ответив. Эмир посмотрел на малыша.

Тот смотрел куда-то позади его и не обращал никакого внимания на происходящее. Минуту спустя он улыбнулся и засмеялся: то ли от весеннего яркого солнца, то ли просто так, что-либо увидев одному ему известное и понятное.

Абдах развернулся и уехал в голову колонны, по дороге разглядывая тот или иной перевязанный тюк.

Не усмотрев ничего крамольного, он решил сам присоединиться к трапезе. Спустя полчаса все были на ногах, и караван двинулся дальше.

Глава 2

Султан восседал на троне, как и подобает великому государю. Вокруг стояли главы провинций и сутениды – главы маленьких районов в самой основной провинции Стамбула.

Некоторым из них Османом были присвоены воинские звания, высокие награды и титулы «паши». Но только тем, кто участвовал, как и он сам, в походах по далеким странам и завоевывал то, ради чего все это начиналось.

Они гордо окружали своего владыку и слегка поверхностно созерцали на своих сородичей по рангу и должностям. Шел военный совет. Султан держал слово, и все внимательно прислушивались к нему.

– Я не потерплю никаких проволочек в моем государстве, – говорил он, – все, что я делаю – только на благо как нам, так и другим – подвластных нам. Я не хочу никого завоевывать, и, если народ добровольно сложит оружие, ему потребуется меньше времени, чтобы начать хорошо трудиться, не восстанавливая потери в войне. Я разослал гонцов с этой вестью в те края, куда думаю отправить тебя, Аркалык, – и он указал пальцем в одного из военачальников, на что тот утвердительно кивнул головой, придерживая рукой свой банджук – цилиндрический головной убор с яркими украшениями и пером павлина, обозначающего символ принадлежности к султанской рати.

– Я также думаю оповестить об этом и соседей, чтобы не вмешивались в наши восточные дела, – продолжал Осман, – а это значит, что ты, эмир Абрахим, возьмешь на себя заботу об их послах и пригласишь ко мне во дворец.

Тот, к кому обращались, согласно кивнул и продолжал стоять, молча слушая, что скажет султан.

– Я так же намерен сделать предложение по одному очень личному вопросу. Это касается твоей дочери, Сигизмунд, – и султан вновь указал пальцем на одного из визирей, – ты должен поговорить с ней и выдать замуж за египетского падишаха Эгей-Бастураха. Это замужество даст нам численное превосходство в силе против наших врагов. Пойми, Сигизмунд, это дело государственной важности. Я знаю, что ты против, но помилуй тебя Аллах, ты должен понимать, что государственные дела важнее личных проблем. Может я и жесток, но смотрю вперед, и если это мы сделаем сегодня, то завтра сохраним около двадцати-тридцати тысяч воинов, а это тоже люди и их надо сохранять для блага всех.

Визирь покраснел до ушей, но смолчал. Он понимал, как опасно сейчас произнести хоть слово. Лучше переговорить с султаном с глазу на глаз, хотя без его звездочета и не обойдется. Но это все же лучше, чем при всех.

А Осман продолжал.

– Теперь ты, Экильбай. Что творится у тебя под носом? Персы и греки овладели островами. Я не потерплю такого сумасбродства. Бери воинов и за работу. Сбрось их в море, если надо. Попросят же пощады, помилуй и прости. Оружие все заведи и дай им трудиться. Пускай знают, что я забочусь и об их семьях. Благо государства – успех каждого, в нем состоящего, не правда ли, звездочет? – и султан обернулся к позади его стоящему человеку в высоком конусообразном тюрбане со звездой в алмазной оправе.

Тот согласно кивнул головой и молвил:

– Ты прав, мой повелитель. Истина течет из уст твоих. Звезды подсказывают мне то же, – и он, поклонившись султану, отступил в сторону.

– Значит, так тому и быть. Далее, наведите порядок в своих провинциях. Смотреть тошно, как бродят нищие и бедняки. Попрошайничают, вымалывают. Создайте ночлеги им, а лучше приобщите к работе. Это будет польза всем. И последнее. Услышу или увижу о вашей

корысти в должностях – отрублю головы, несмотря ни на что. Ты меня понял, Халиб, – и султан повернулся к одному из участников совета.

Тот испуганно обернулся по сторонам, словно боясь, что это случится уже сейчас и, пав на колени, пролепетал:

– Прости меня, о милейший и великий, не знал, что творю. Слуги подвели, ушам своим не верю теперь.

– Хорошо, прощаю и встань с колен. Подобно тебе занимаемому посту непригоже в ногах валяться. Разберись на месте, но по справедливости. Услышу, что казнил невинных, отрублю голову сам.

Султан встал с трона, давая понять, что совет окончен. Все потихоньку начали расходиться. Остались только сам Осман, звездочет, слуги и Сигизмунд.

Султан удивленно поднял брови:

– Ты что-то хотел? – задал он вопрос.

– Да, о мудрейший, – хотел было подлестить тот.

– Хватит, не терплю лести, обращайся проще, чего ты хочешь, – отбрил тут же Осман.

– Я бы хотел поговорить с тобой по поводу своей дочери.

– Я же сказал, дело решенное и обжалованию не подлежит. Или ты хочешь, чтобы я насильно и привселюдно на площади опозорил тебя?

– Нет, что ты, что ты, мой повелитель, – залепетал Сигизмунд, – я просто хотел повременить с этим.

– Не темни, отвечай, что у тебя на уме, – загорелся султан.

Эмир понял, что попал в точку и сейчас его выслушают.

– Я хотел бы, чтобы ты изменил свое решение, а взамен я сообщу тебе имя твоего врага.

– Что-о-о? – протянул Осман, – ты, собачья шкура, хочешь со мной торговаться?

– погоди, погоди, мой владыка. Я долго решался на это, но все же сообщу, что за твоей спиной строят козни.

– И кто это? – не выдержал Осман.

– Я знаю и так, – подтвердил стоявший позади звездочет, – это те, кто вчера сидел рядом с тобой у трона и предлагал выгодную партию с золотом.

– А-а, Телибад, – почему-то успокоился султан, – я знаю, что у него на уме.

– Но, не он один, – ответил все тот же эмир, – с ним Абдуль-ибн-Саид, Айлаг-о-верты, Эй-ко-Вен и Селихат.

– Что? Моя вторая жена? – вскричал Осман.

– Да, к сожалению, это так, – подтвердил звездочет.

– А почему ты об этом мне раньше не сказал? – рассердился султан, обращаясь к звездочету.

– А зачем, я и так знал, что он скажет тебе это, – и звездочет спокойно отошел в сторону.

– Хорошо, – согласился неожиданно султан, принимая для себя какое-то решение, – я подумаю еще, но особо не надейся. Если не найду другого способа, то выход один – все тот же.

– Спасибо, спасибо, – раскланялся эмир, отступая потихоньку назад, – премного тебе благодарен.

– Ладно, иди, нечего тянуть, – и султан отмахнулся, как от назойливой мухи, погружаясь в свои думы и садясь на трон.

Волнение султана нарастало.

В конце концов, он встал со своего места и заходил по комнате. Звездочет сидел в стороне и, казалось, не обращал на него внимания.

– Я знаю, ты много, о чем не договариваешь, – обратился вдруг к нему Осман, – но все ж прошу тебя, объясни, как получилось, что моя жена влезла в это дело?

– Дело не в жене, султан. Дело в самом тебе. Ты уже давно забыл о них всех, а они томятся и ждут твоей ласки. Сколько их, сотни? А сколько тебе надо, как человеку? Скажи честно.

– Откровенно говоря, немного, – согласился султан, – но я не могу этого сделать. Иначе, падет могущество империи. Да и халифат, который меня поддерживает, может отступить в сторону моих давних врагов. Ты ведь это знаешь.

– Да, к сожалению, это правда. Но все же это не единственная причина, по которой она вступила в сговор с другими. Главное – это то, что она не может заставить себя разделить первенство между женами. Такой уж у нее характер. Но все же не это основное. Она узнала о твоей Бахчисарайской деве.

– Как? – удивился султан, – Мы ведь хранили все это в тайне.

– Да, хранили, но кое-кто из твоих людей все же не сдержал языка.

– Я вырву им всем злые языки, – нахмурился и вновь заходил по комнате султан, – я оскоплю каждого, кто осмелится вступить с ней в контакт, а тем более в заговор.

– Ты что, хочешь оскопить самого себя? – засмеялся звездочет.

Султан ошарашено посмотрел в его сторону и сам засмеялся.

– О, Аллах, а ведь это правда. Ну ладно, сейчас не до этого. Лучше посоветуй, что сделать.

– Не знаю, дело твое, ты повелитель – тебе и решать. Я лишь смотрю на звезды, дают ли они добро или нет.

– И что же говорят они сейчас? – хитро прищурил глаз султан.

– Они говорят, что пора тебе взяться за дело самому и посерьезней, – ответил звездочет.

– Да, это правда. Но, что будет с моим сыном? Успею ли я перехватить их подлог или уже поздно?

– Вряд ли, но я знаю другое. Он сядет на это место, невзирая ни на что.

– Дай, Аллах, – ответил султан и вновь принялся мерить шагами комнату.

– Абдах не допустит этого, – вновь сказал султан, – он мне предан, – как-то неуверенно продолжил Осман.

Звездочет ничего не ответил и оставил его наедине со своими мыслями.

Спустя минут двадцать, после очередного погружения в думы, Осман позвал своего эйфира.

– Вели седлать, мы выходим в поход. Сообщи об этом всем, кому нужно, – и султан удалился из комнаты.

Эйфир тоже вышел, и комната оказалась пуста.

Но через минуту вдалеке зала появилась чья-то голова, а затем и все тело.

Это был человек среднего роста, одетый в одежды султанского поводыря. Он быстро выскочил из занимаемой им ниши и пошагал из комнаты.

За ним последовала другая тень, одетая в такие же одежды, разве что отличавшиеся размером и цветом.

Вскоре они скрылись из виду. В комнату вошли двое.

Это были слуги, которые занялись уборкой. Один сказал другому:

– Ты видел, как султан отрезал уши нашему бею во время прошлого совета?

– Нет, – ответил второй.

– А я видел. И правильно сделал султан. Бей сильно заелся в последнее время. Даже таких, как он, перестал уважать, не говоря уже о бедняках.

– А, что толку, – ответил опять другой, – нам-то от этого не легче.

– Это нам, – согласился первый, – а кому-то повезло.

И они дальше продолжили свой труд.

Затрубили горны и трубы.

Весь дворец перепуганно зашумел. Повсюду сновали слуги, бегали какие-то люди в одеждах, схожих султанским писарям, и, то и дело, раздавались какие-то команды.

Наконец, на площади внутри дворца образовалась колонна всадников и колонна мулов, запряженных в повозки, в основном состоящих из деревянных, обшитых вокруг основы досок и легких наметов сверху.

Среди всего этого очень ярко выделялась султанская повозка. Вся покрыта золотыми росписями, а также украшена в отдельных местах настоящими изумрудными камнями и алмазами на вышитом серебром полотне и со знаменем на борту. Но она была пуста.

Сам султан сидел на своем белом коне впереди колонны. Стоял небольшой шум, но вскоре султан поднял руку и все затихло.

– Я уезжаю ненадолго. Всего на пару дней, поохотиться, – обратился он к знати, – за меня остается мой старший визирь. Все законы в его руках. Слушайте и повинуйтесь. До скорого.

Осман прищипорил коня, и колонна двинулась к воротам. Зрелище для простого люда было огромным.

Поэтому, многие побросали работу и выбежали смотреть на дорогу. Оставалось непонятным, откуда они все это узнали.

Но делать нечего, и колонна во главе с самим Великим Османом двигалась вперед.

Толпа восторженно кричала и падала к ногам, когда султан проезжал мимо какой-то ее части. Повсюду раздавались приветствующие возгласы, и даже стоны от того, что задние давили на передних, то и дело, выбрасывая кого-либо под ноги лошадей рядом идущей охраны.

Султан гордо восседал на своем белом коне в золотой с алмазами упряжи.

Все седло было усеяно мелкими, играющими на солнце камнями и покрыто легкой серебряной повиликой.

Осман был, как и все, смугл телом и лицом с небольшой бородкой, и такими же черными усами. Подстрижен он был довольно коротко, но не так, чтобы тыльная его часть головы светила на солнце.

На голове возвышался красивый, расшитый золотом, серебром и усеянный алмазами тюрбан со вставленными изнутри пятью павлиновыми перьями разной расцветки.

Темно-вишневая, с широкими отворотами и белыми наконечниками на рукавах сулейма покрывала его тело. Она также была рассыпана серебром, золотом и усеяна изумрудными камнями.

Из-за пояса выглядывал старинный родовой кинжал, весь из золота и серебра. Рукоять его блестела на солнце, то и дело, сверкая и бросая в толпу разных цветов оттенки.

На боку висел кривой ятаган, такой же, как и у всех воинов, но разукрашенный драгоценностями.

Рукоять была из зеленого малахитового камня, а ножны из белой слоновой кости, доставшейся тоже от предков.

Сами ножны представляли собой настоящий бивень слона с нанесенными гравировками из сцен древности.

Ноги султана украшали невысокие сапоги ярко коричневого цвета с золотыми застежками на боках. К ним приторачивались и шпоры.

Но это был только тот нарядный костюм, в котором султан выходил к людям.

В походе же он снимал с себя все это и одевался, как все. И вовсе не из-за боязни, что его кто-то распознает, а просто потому, что знал цену вещам и тем же драгоценностям.

«Это чудесный людской труд и его надо беречь», – так он говорил всегда своим слугам при переодевании.

Толпа не умолкала. Взрывы голосов слышались то тут, то там. Султана любили и, в особенности, те, кому он обеспечил беспрепятственную ссуду на какое-либо товарное дело.

Он издавал указы и законы, всячески помогал ремесленникам и мастерам, не обделяя своим вниманием и ту небольшую часть крестьян и животноводов, которые содержали всех вместе.

Жизнь была тяжелой, дорогой и порой прокормиться было очень тяжело.

И султан издал указ о запрещении сбора налогов с безземельных жителей и малообеспеченных семей. Это дало возможность последним хоть как-то существовать и приносить ту небольшую пользу, которая требовалась всему государству.

Наконец, ряды начали редеть, и вскоре колонна выехала из города. Перед ними расстилась равнина, покрытая в основной массе песком и камнями.

«Да, – вздохнул Осман, – тяжела ноша хлебороба», – и прищипил коня, чтобы ехать быстрее.

Сейчас он спешил навстречу каравану. Но успеет ли, если заговорщики уже направили какую-либо из вездесновавших банд.

Он не стал их арестовывать, чтобы не поднимать лишнего шума. А по приезду решил разобраться со всей строгостью.

«Но, что будет с моим сыном? – вновь обеспокоился султан, – не иначе, опять отравят или просто бросят среди песков».

И султану вдруг стало жалко его и ту женщину, которую велел привезти из Бахчисарая.

«Лучше бы она оставалась там, – думал Осман, покачиваясь в седле на лошади – хотя, кто его знает, что лучше. Подкупить можно ведь любого, даже в окружении того же Юсуф-паши».

Юсуф был его давним другом. Они выросли вместе, гуляли в одном дворцовом саду. Их родители сильно дружили и создавали эту самую империю. Были, конечно, и у них некоторые размолвки по отдельным вопросам, но все же они старались понимать друг друга и делать все сообща.

Осман и просил Юсуфа о временном прибежище для новой жены только потому, что мог положиться на него.

В отличие от самого султана тот не был большим политиком и властелином. Он занимал ту позицию, которую ему вручили его предки, а соответственно, и предки самого Османа.

Юсуф никогда не выпячивал гордо грудь и всегда тихо уходил с совета, если его присутствие не было необходимо.

Но это была не слабость и не боязнь. Это была воля, разумное хладнокровие и соблюдение приора власти. Он подчинялся только султану, но это не мешало ему вести переговоры с другими, ему подобными и принимать какие-то решения.

Юсуф был силен, и не столько физической силой, сколько умом. Именно от него сам Осман еще в юности многому научился.

И когда халифат запретил им встречаться перед назначением на должности, они все же тайно встречались и делились своими мыслями.

Осман понимал, как важно сейчас, да и раньше, было удержать земли, возглавляемые Юсуфом.

Он также понимал, что лавировать между двумя различными вероисповеданиями очень тяжело.

Но, тем не менее, Юсуф делал это. Он успешно находил и завязывал знакомства среди знати европейских государств. Имел хорошие связи в их парламентах, а также поддерживал хорошие отношения в торговом порядке.

Часть прилегающих территорий к его калифату платила ему дань. Лишь изредка ему приходилось посылать отряды за поборами, когда кто-то отказывался платить.

Другое дело, когда дело казалось невольников. Этим занимались вооруженные банды наездников, которые наскakивали на незащищенные территории и подвергали их грабежу и разрухе.

Осману это не нравилось. Он уже давно говорил Юсуфу о том, что пора это прекратить. «Но как? – отвечал тот же Юсуф, – я ведь не могу поставить охрану на их территории».

Осман соглашался с ним, но с явной неохотой. Проще было бы завоевать эти территории и посадить своих преданных Империи людей.

Но, в то же время, он понимал, что сейчас не время этим заниматься. Нельзя спустить с цепи вероисповедального «пса», который может собрать целую свору таких же, а тогда – прощай Империя и прощай более-менее мирное благополучие.

Там тоже шла борьба уже между представителями их веры и, в большей части, Осман посредством Юсуфа помогал одним из них, если было необходимо не допустить полного разрушения, или краха целого края.

Конечно, те смотрели на это со своей точки зрения, но оно, в конце концов, не было главным.

Основное – это надо было держать в сравнительной свободе народы, чтобы они могли развиваться и приносить общую пользу для всех. А то, что это была польза, Осман не сомневался.

Он знал, на что способны те или иные народы и знал, кому из них надо помочь в тот или иной момент.

Сами дары всегда говорили об этом, но не только это радовало его сердце. Осман видел, как растут другие, несмотря ни на что, и ему хотелось, чтобы его народ так же преуспевал и наслаждался жизнью, а не тонул в жалких развалинах песка и глины без крохотки мучного хлеба.

И только поэтому строилась Великая империя, которая на сегодня сочетала в себе около пятидесяти маленьких государств.

Везде стояли его наместники, или цхетины, которые подчинялись ему и Диванному Совету.

Правил и халифат со своей стороны, но ему было немного попроще. Все подчинялись единому Аллаху и все безропотно исполняли намаз.

Конечно, были и не верующие в их бога, но таких очень мало, и они всеми силами пытались обернуть тех к себе.

Так проще жилось бы всем. Но тот же Осман понимал, что насаждением веры тут не поможешь. Здесь надо что-то больше, чем она сама. А, что может быть больше и дороже, нежели человеческая жизнь.

Поэтому, он играл именно на этих струнах народов и пытался овладеть их территориями с помощью воинских походов.

Каждый такой поход давал баснословную прибыль государству. Взять хотя бы последний – в Месопотамию. И хотя он обошелся султану в восемнадцать тысяч жизней его воинов, все же покрылся с лихвой.

Они захватили большое количество драгоценностей, камней, золота, серебра, торговых и других судов, не говоря уже о том, что народы полностью подчинились их воле, а это уже постоянная прибыль.

Но Осман не был жаден до конца. Он понимал, что, лишая народ всего – тому не выжить.

Поэтому, практически всегда он оставлял большую часть всего добра на местах и указывал на то такими словами:

«Я забираю лишь часть, как дань моим погибшим воинам и прибыль моему народу, но оставляю вам больше. Трудитесь покорно и вы будете жить так, как живет мой народ».

И в большинстве своем это оправдывалось. Лишь изредка вспыхивали восстания, да и то с помощью тех же соседей, желающих себе оторвать тот же лакомый кусок.

Но все они были безуспешными. И не только потому, что слабо организованы, а потому, что самому народу не хватало одного единственного – простого выражения своей мысли и воли, чего же на самом деле они хотят.

Поэтому, как правило, такие «всенародные» восстания с успехом подавлялись, а виновные казнились.

Осман не действовал в таких случаях особо сурово, хотя головы летели довольно часто. Но он старался всегда ограничиться лишь небольшой, но важной частью тех пустобрехов, которые мутили воду.

Подспудно каждое такое восстание несло в себе обыкновенное неподчинение власти и грабежи того же населения, только уже с другой стороны.

Халибам – отдельным наместникам на местах было над чем призадуматься. К тому же они сами были из тех народов, чью территорию и представляли.

Осман не жаловал им почетных титулов и графств, как своим верноподданным и цхетинам, но зато раздаривал земли их территорий по усмотрению, что давало возможность последним поступать, как они считают нужным, и исправно посылать в казну необходимое количество золота и любого вида товара.

Осман сам в свое время прошел подобную практику, когда его отец назначил наместником в Джилаб.

Там он провел свои, как он считает, лучшие годы юношества. Ему никто не мешал, он знал, что нужно отцу, и исправно посылал это, но взамен пользовался почти неограниченной властью с единственной лишь разницей, что не особо зверствовал и не собирал больших налогов, как другие.

Находясь же у руля такого большого государства, он часто ставил себя на место того или иного руководителя на месте и пытался понять им предпринятые шаги в соответствии с вновь изданным его указом.

И, если он не находил какой-либо укрывающейся от глаз детали – то все, как говорят, сходило по-доброму.

Если же что-то находил и не понимал, то сначала вызывал к себе, а уже после этого при необходимых разъяснениях ставил свое заключение.

Обычно в таких случаях оно было суровым. Но, иногда и прощались некоторые, если смогли убедить султана в своей правоте.

Осман всегда любил, когда его подчиненные толково ведают о своих шагах и умеют отстаивать свою позицию. Он никогда не перебивал при этом и слушал до конца, а если что-то недопонимал, то переспрашивал вторично.

Сама система таких докладов была достаточно отлажена. Исполнитель от каждой провинции, то есть цхетин, по приезду в столицу всегда рассказывал о положении дел на своей территории.

Это тут же подтверждалось султанскими лазутчиками, посланными в какое-то время туда же. Если рассказы не совпадали, то посылался новый лазутчик, а руководитель оставался здесь до выяснения обстоятельств.

С одной стороны это было жестоко, но с другой – справедливо.

«Аллах запрещает говорить неправду, – всегда говорил Осман, – поэтому, я проверяю, так как являюсь его наместником здесь, среди вас».

Подверженным пересмотру деваться было некуда, и они в поту и переживаниях всегда ожидали возвращения лазутчика.

И хорошо, если все, что они говорили, подтверждалось. В противном случае, их ждало одно – плаха с палачом.

Но не всегда Осман был суров, даже если что-то и не клеилось. Он понимал, что многое зависит от самих людей, что-то ему или другим ведающих. Поэтому, он руководствовался своим собственным мнением и порядочным опытом знания людей.

Ошибок, практически, не было. Лишь однажды только он казнил цхетина не по его вине, да и то благодаря тому, что лазутчик был не совсем точен в своем докладе.

После этого Осман полностью положился на свое собственное решение и старался не поддаваться на кропотливую болтовню других.

Мысли султана вновь перекинулись на сына.

«Надо было все-таки оставить их пока там, – решал он про себя, сознавая, что уже поздно что-либо предпринимать. – Ну, ничего, попляшут все у меня по приезду, – вновь продолжал рассуждать Осман, – и если Аллах допустит гибель моего сына, то я утоплю в крови все их семьи вместе со слугами взятые».

Таков был суровый приговор тем, кто задумал что-либо изменить в этой стране. Султан больше не желал думать о подобном и смотрел просто вперед. Перед ним расстилалась почти бескрайняя равнина, усеянная теми же камнями и небольшими участками пахоты.

Весна была ранней и не все пока трудились в поле, хотя солнце уже пригревало. Старейшины ждали особый указ о начале работ. Таким для них был голос самой земли.

Глава 3

Колонна двигалась медленно, и эмир, то и дело, смотрел на солнце, которое садилось все ниже и ниже.

До захода оставалось всего несколько часов, а им предстояло еще пройти около четвертой части всего пути. Не так уж и много, но достаточно, чтобы не успеть до захода солнца.

Пока ничего не тревожило их караван, и всадники спокойно перебрасывались словами на ходу. Уже были сделаны три остановки, и на каждой Абдах обходил все свои ряды, проверяя по пути, не открылось ли что и не пропало.

Всего час назад они делали остановку, но видно было, что люди и лошади устали. Идти по гористой местности было не совсем удобно. То и дело под ногами находились камни, или просто одиноко торчащие из земли пни деревьев, не известно кем когда-то посаженные и выгоревшие от чего-то.

Лошади, а иногда и сами люди, шедшие рядом из жалости к скотине, спотыкались и падали. Но ничего не могло остановить их движения, и упавшие нагоняли свое место в походном строю, стараясь по пути избегать особо крутых подъемов или спусков.

Наконец, где-то вдали показалось подгорье. Оно постепенно сглаживалось и уступало место ровной земле.

Эмир с облегчением вздохнул. Осталось совсем немного. Но, что это?

В конце гористого участка он увидел группу всадников, расходящихся по сторонам, как бы окружая его караван.

«Вот оно, – подумал эмир, – и место выбрано не случайно. Им просто некуда деться. Справа море, слева горы, не идти же, в самом деле, назад».

Он окликнул ближайшего охранника и отправил его к начальнику, передав словесно, чтобы тот готовился к бою.

Абдах не знал, сколько людей противника их окружает, но понял одно. Его предали и, причем неспроста.

Теперь оставалась одна задача – спасти женщину и ребенка.

И эмир, отдав некоторые распоряжения, бросился к исполнению необходимого.

По дороге он повстречал Сазифа и приказал собрать всех вооруженных людей, а лошадей или мулов с грузом, передать другим.

Тот молча кивнул и ускакал выполнять, на ходу бросая те или иные команды.

Колонна распадалась. Теперь возле каждой упряжи уже не было людей, а на их места становилась другая упряжь, которыми управлял кто-то из погонщиков.

Все освободившиеся на ходу присоединялись друг к другу. Таким образом, колонна стянулась и преобразовалась в двойной поток.

С одной стороны лошади, мулы и люди, а с другой – вооруженные всадники. Всего насчитывалось около двухсот пятидесяти вооруженных людей, включая и охрану.

«Хорошая защита, но может быть маловата, если у противника хорошо обученные аскеры», – подумал Абдах, занимая тем временем позицию возле повозки жены султана.

Пока было все спокойно, и колонна потихоньку двигалась вперед.

«Странно, – думал эмир, – почему они не нападают. Может, ждут заката или пока выйдем на равнину».

Но вот послышался какой-то далекий свист, и вскоре стало видно, как к ним со всех сторон приближается огромная масса всадников.

Все они были одеты в черное и лишь изредка мелькали зеленые и бурые тона одежд.

«О, Аллах, помоги нам», – молился про себя эмир, понимая, что на них напали поморские разбойники, которые славились своей ненасытностью и жадностью к крови.

Их было много. Гораздо больше, чем предполагал эмир. Со всех сторон летели всадники и туча, посланных ими на ходу стрел почти заслонила на минуту небо.

Упал рядом стоящий охранник. Стрела пронзила ему грудь.

Другие вонзились рядом, а одна оцарапала эмиру щеку.

– Собаки, – прошептал Абдах и направил, было, коня в самую гущу начавшегося боя.

Но потом, вспомнив, что его задача – находиться здесь, круто осадил коня. И в ту же минуту раздался выстрел. Пуля попала лошади в голову, и она упала, придавив ногу эмиру.

С трудом выбравшись из-под нее, Абдах поискал глазами женщину. Та сидела, сжавшись в клубок и укрывшись обыкновенной попоной.

«Молодец», – похвалил в душе ее эмир и бросился к повозке.

Шум стоял невообразимый. То и дело стонали и падали люди, а на их места ставали другие.

В бой ввязались все, даже те, кто был без оружия. Они подбегали в самую гущу и стягивали всадников с лошадей, заодно овладевая их оружием.

Лошади и мулы смешались с людьми. Раздавались проклятья с разных сторон.

«Алла, алла...», – летело со всех сторон.

Кирсары – черные всадники тоже были мусульмане. Поэтому трудно было понять, кто же это кричал.

Скорее всего: и те, и другие.

Бой перемещался то влево, то вправо, но эмир все же успел заметить, что позади нападавших стоит отдельная группа всадников и смотрит куда-то в сторону.

Тогда он понял, что они чего-то опасаются и, взглянув туда же, с удивлением обнаружил, что какая-то другая группа спешит на место сражения.

«О, Аллах, неужели это помощь?» – прошептал Абдах, оборачиваясь к прямо на него скачущему всаднику, на таком же, как у него, черном вороном коне.

В нем он узнал своего давнего приятеля по школе калифа и удивился еще больше.

«Что он здесь делает?» – только и успел подумать он, как всадник, пронесаясь мимо, хотел было нанести ему удар.

Эмир ловко уклонился, а затем бросил кинжал в спину уходящему противнику. Тот угодил в цель, и всадник спустя секунду свалился с лошади. Нож попал под левую лопатку и, повернув на бок бывшего знакомого, эмир зашептал:

– Что ты здесь делаешь, Керимбей?

Но тот уже умирал, и глаза его постепенно становились мутными и стеклянными, но все же собрав последние силы, тихо произнес:

– Ты сам поймешь, если останется жив, – и голова его откинулась в сторону.

А в это время, другая группа с такими же криками мчалась к месту схватки. Эмир поспешно встал и занял место возле повозки. К нему бежало двое. Один в полужеленом, другой в черном одеянии.

Абдах приготовился защищаться, но вдруг позади его послышался сухой шелчок, а затем выстрел.

Один из нападавших упал, корчась в судорогах. Другой на секунду остановился и этого было достаточно, чтобы снести ятаганом ему голову.

Эмир обернулся и увидел стоящую позади женщину без привычной ему паранджи с ружьем в руках.

– О, Аллах, – промолвил он, – где маленький султан?

– Там, – указала она рукой и, повернувшись, пошла к повозке.

Абдаху некогда было тратить время на рассмотры, и он вновь обернулся лицом к противнику.

Несколько всадников пробились к его группе и с удивлением эмир обнаружил, что это ближайшая охрана султана, судя по их одеждам, но где же сам султан.

Он повернул голову направо и вдали увидел несущуюся новую группу со знаменем впереди. Теперь было понятно, что Осман пошел ему навстречу.

Но нападавшие не изменили своего первоначального плана, несмотря на присоединившихся. Они дрались, невзирая ни на что.

Криков стало поменьше, и только лязг и скрежет металла, стоны раненых, ржание лошадей заполняли шум поля боя.

«Наверное, кто-то хорошо заплатил, – подумал эмир, – раз они так долго не уходят. Но, кто?»

В этом предстояло еще разобраться. Минут через десять, когда к его группе присоединилась основная группа воинов султана, нападавшие все же дрогнули.

Силы примерно сравнялись, и битва подходила к своему завершению. Наконец, они не выдержали и начали отходить, оставляя за собой горы трупов и раненых.

Зазвучала труба, оглашающая призыв к бою, и воины султана с двойной силой бросились на врага. Истекая кровью, нападавшие все же тихо продолжали отступать.

«А они умеют держаться, – с уважением подумал эмир, – но наши воины тоже хороши». И он удовлетворенно заметил, что враг все же ускорил свое отступление.

Постепенно битва удалялась, и возле бывшей колонны оставались только мертвые, раненые и животные с распоротыми саблями тюками, порванными мешками и раскуроченными сундуками.

Эмир выругался про себя, понимая, что много товара пропало, но, что делать, так было всегда, даже в самых успешных походах.

Удаляясь еще дальше, битва понемногу угасала. Нападавшие строем уходили в полосу межгорья.

Воины теснили их все дальше и дальше от колонны. Наконец, передние ряды как бы проломились, и всадники султана ринулись внутрь рядов противника.

Это и решило исход сражения. Люди начали разбегаться в стороны, оставляя свои ранее занимаемые позиции в строю.

Спустя полчаса баталия преобразилась в чистую рубку, где мусульмане крошили других мусульман с не меньшей злобой и жестокостью, чем, если бы перед ними были неверные.

Надо отдать должное врагу, он сопротивлялся упорно и не менее жестоко. То там, то там падали с лошадей воины султана, но это все же не останавливало остальных.

Эмир видел, как от основной массы теснивших врага отделилась небольшая группа всадников и направилась к каравану, который и назвать так сейчас было нельзя.

Лошади и мулы стояли и бродили, как попало, таская за собой тюки и выпотрошенные мешки. В некоторых местах разостлались по земле узорчатые ситцевые ткани, а чуть поодаль Абдах видел целую гору одежды для обеспечения служб султана, шитых в том же Бахчисарае на заказ.

Он снова выругался. И хотя это несколько противоречило Корану, эмир не мог сдержать своих эмоций.

Сражение потрясло его вконец. И боялся он, скорее, не за себя, а за ту маленькую женщину и ее ребенка.

Почему-то вспомнились его дети – сын и дочь, совсем маленькая, но эмир отмахнул все это и принялся за дело.

Он подошел к повозке и заглянул внутрь. Жена султана сидела под наметом и кормила ребенка грудью.

Он поспешно отошел в сторону, оставив приоткрытым намет. И снова эта картина напомнила ему о своей семье, погибшей совсем недавно от рук неизвестного убийцы, пробравшегося в сад, где они отдыхали.

Никто не знал об этом, даже султан. Абдах скрыл ото всех свою утрату, боясь, что его обвинят в излишней жестокости или несправедливости.

Утерю родных он переживал в душе. На глаза накатились слезы, но эмир сдержал внутренний порыв и руками просто омыл лицо, обращаясь мысленно к богу.

«О, Аллах, если ты там, на небе, то почему не дашь мне того, чего я заслуживаю на самом деле. Если же я достоин смерти, то почему не дал сегодня умереть?»

Но времени на подобные разговоры и мысли не было, и эмир вновь стал таким, как и прежде. Он отошел от повозки еще дальше, со стороны наблюдая, чтобы ничего не произошло.

Всадники приближались. По белому коню и дорогой упряжи эмир узнал султана. Тот направил коня прямо к повозке, не обращая внимания на Абдаха.

– Слава Аллаху, они живы, – вырвалось у него при виде жены с ребенком на руках.

Султан повернулся к эмиру и огляделся по сторонам:

– Я вижу, тебе пришлось немного потрудиться, Абдах, верно?

– Да уж, мой повелитель, пришлось, но немного. Хорошо, что вовремя подошли аскеры.

– Я предчувствовал этот подвох, – ответил султан, – и намеренно дал время на раздумье и действия.

– Ты, что, хочешь сказать, что знал о готовящемся? – удивился Абдах.

– Точно нет, но сделав выводы и решив, что для них это лучший вариант, я понял их замысел.

– И кто же это? – спросил эмир.

– Ты их знаешь, – угрюмо ответил султан.

– Я тут встретил своего бывшего знакомого, – сказал Абдах, показав рукой на труп, лежавший неподалеку, – так вот он поведал мне то же.

– Ладно, не здесь, поговорим позже. Заночуем на этом же месте, ничего страшного, они больше не вернуться.

– Как прикажешь, повелитель, – ответил эмир, отходя в сторону и приступая к своим обязанностям по сбору караванного добра.

Султан прошел к повозке и долго там сидел, держа сына на руках и радуясь его здоровому облику.

Ребенок улыбался и смеялся. Жена сидела рядом, снова опустив паранджу и молча наблюдала за игрой отца с сыном.

Битва давно утихла. Уцелевшие убежали, и воины вместе с погонщиками возвращались к каравану, по дороге приступая каждый к своим обязанностям.

Кто сматывал ткани, кто собирал одежды и опять складывал в мешки, а кто сносил тюки и сундуки, привязывая обратно к лошадям и мулам.

Животные тоже пострадали в бою, и часть из них дорезали и обратили в пищу, которую готовили тут же на кострах, только что разведенных.

Постоянная походно-кочевая жизнь заставляла людей не думать о чем-то другом, кроме своих обязанностей. Поэтому, очень скоро все было приведено в должный порядок, и караван приобрел свой прежний вид.

На ночь всех лошадей и мулов связали друг с другом, а некоторых приторочили к повозкам. Таким образом, получалась живая изгородь в виде полукольца.

Выставив охранение и часовых, эмир приблизился к султану, который теперь сидел возле костра и почему-то грел руки.

– Что-то мне холодно, – сказал Осман, поближе пододвигаясь к огню.

– Может, нездоровится? – спросил эмир, хотя и знал, что у султана отменное здоровье.

– Не думаю, – ответил Осман, – скорее, это яд. Кто-то подсыпал мне его в чай, когда я собрался уезжать.

– Не может быть, – ужаснулся эмир, понимая, что от этого ожидать.

– Скорее так оно и есть, – хмуро отвечал султан, – как я раньше об этом не догадался.

– И что же делать? – беспокоился Абдах, – может вызвать сюда лекаря?

– Он не поможет, – так же хмуро отвечал Осман, – надо вводить противоядие, а его здесь нет, да и во дворце тоже вряд ли найдется.

– Так что же делать? – не унимался эмир.

– Ничего, – спокойно ответил султан и, обратившись к охране, стоявшей вблизи, сказал, – уйдите все подальше и никого ко мне не пускайте.

Те повиновались и отошли на порядочное расстояние, образовав вокруг них круг.

Султан, посмотрев на это, продолжил:

– Слушай меня внимательно, Абдах. Я скоро умру. Не знаю, может через час, два, но к утру это точно. Яд, который мне всыпали, так же убил первого моего сына. Я только теперь об этом догадался.

– Но, может..., – начал, было, эмир.

– Не перебивай и запоминай. Всю власть дворца передаю в руки халифов. Ты будешь главным исполнителем до совершеннолетия моего сына, – и он рукой указал на повозку, – береги его, как зеницу ока. Я знаю, у тебя нет родных, их убили. И убили, скорее всего, те же, кто подсыпал сегодня мне яд. Разберись во всем. Накажи виновных и оповести все провинции. Не забывай, что у них тоже есть сподвижники. Скорее всего, это дело рук Телибада и моей неверной жены Селихад, но все может быть. Возможно, кто-то подтолкнул их к этому. Те же иерусалимцы или поляки Сигизмунда. Я им верю, но все ж не до конца. Никогда не любил тех, кто попирает свою веру и переходил на сторону врага. Его род когда-то приютили мои предки. Тогда они бежали из своей страны за разбой и святотатство. Но это знаю только я из уст отца и ты, кроме сына, никому не говори. Это тайна, связанная кровью многих халибов. За нее положили головы десятки вражеских лазутчиков. Смотри за ними всеми. Сегодня Сигизмунд признался, что за моей спиной водят козни. Но кто знает, может это он сделал специально.

Султан на минуту остановился, о чем-то думая, а затем продолжил:

– Я знаю, ты не веришь моему звездочету. Не верю ему и я. Да, да. Не удивляйся. Но в его словах и деяниях есть много достоверного. Научись выбирать из всей лжи и чепухи это, и ты увидишь истину не за семью замками, а у тебя на ладони. Ты меня понял?

Эмир согласно кивнул. Сердце его тревожно стучало, а виски гудели. Ему было не по себе.

Султан, очевидно, заметил эту перемену и сказал:

– Не волнуйся и успокойся. Тебя они не тронут. Ты им больше не нужен. Им нужен только я. Это я им мешаю строить их коварные замыслы. Они уже давно хотели продать Месопотамию, выманивая меня на это,

но им не удалось. Они хотели ускорить кончину моего ближайшего помощника, то есть тебя, это тоже не удалось. Они же составляют подложные договоры с другими государствами, выманивая у меня на это деньги и средства. В общем, много чего происходит за спиной, и всего сразу не увидишь. За наружной покорностью и радушием кроется камень лжи и злоба. Сотри их в порошок, но бойся одного. Бойся сам обрести в себе это же. Это самый суровый урок, который дарит судьба. Я свое отжил. Мне сорок три года, и я еще силен, но та же судьба велит мне сегодня уйти. Это закон природы. Подумай на досуге об этом. Вместе с этим вверяю тебе все грамоты, удостоверяющие твою правоту в управлении империей, скрепленные своей подписью и личной печатью в присутствии нашего походного экумена. Все эти

документы предъявишь, а потом вместе с документами моего сына и тем алмазом вложишь в одно место, которое покажешь и сыну. Только ты и он должны знать это место. Оно должно быть выбрано так, чтобы спустя годы могло сохраниться в целостности и сохранности. Кто знает, может они еще и пригодятся. Здесь будет указана дата рождения сына и дата моей смерти. Береги экумена. Его могут убить. Каждому хочется изменить свою историю, а от него зависит многое. Что еще тебя интересует, спрашивай, а то я чувствую времени у меня осталось немного, – и султан вновь ближе подвинулся к огню.

Эмир совсем потерял дух. Он как-то сник и не мог прийти в себя. Что за тяжесть свалилась на его плечи? Он и не мог подумать, как это тяжело управлять государством. Мысли бродили у него в голове, но он не знал, о чем спросить у султана.

Тот, видимо понимая, как Абдаху сейчас тяжело, продолжил:

– Успокойся, все образуется. Моя смерть не единственная в этом мире. Многие умирают и ничего. Возьми простых людей. Они мрут, как мухи и живут, как те нищие, только чуть-чуть побогаче и не жалуется, а радуются. Их жизнь ничего не стоит и уходит как-то незаметно и обыденно. Я хотел сделать ее немножко лучше. Передай это моему сыну. И я надеюсь, ты поймешь, что к чему. Я давно за тобой наблюдаю. Ты хороший человек, преданный государству и своему делу, ты любил семью, и ты же ее похоронил, так и не высказав свою боль. Возьми в ученики моего сына и воспитай в нем то, чего так недоставало бы самому тебе и мне. Не бойся наказывать за совершенное. Иногда это очень полезно. Постарайся сломать ему нрав, а затем вновь восстановить. Это хороший урок на будущее. И постарайся выбить дурь и лживую спесь от нашего рода. Мы не затем становились во главе, чтобы люди кричали нам на улицах. Мы хотели лучшей жизни для других, и каждый из нашего рода понимал это по-своему. Я хочу, чтобы ты взял самое лучшее ото всех нас и воспитал в моем сыне. Но не принуждай, а вынуждай. Это главное. Насилие никогда не дает большой пользы. Оно играет роль только тогда, когда человек сам стремится к этому или ему подобному. Но это больные люди. И береги моего сына заболеть этим. На этом я с тобой прощаюсь. Дай мне совершить мой последний намаз, хотя и солнце уже село. Восьми шкатулку. В ней все. И позови сюда экумена через десять минут. Никого больше не зови. Перед смертью я позову сам.

Эмир шагнул в сторону и прошел сквозь ряды охранников. Те отвернулись, увидев, что султан совершает вечерний намаз.

Им запрещалось смотреть на своего повелителя, ибо он являлся для них всех тем одним, который вверял их жизни другим и самому себе.

Спустя десять минут, Абдах вернулся с экуменом. Тот держал в руках, подобную султанской, шкатулку, только побольше размером и менее дорогую.

Султан махнул рукой, приглашая их к себе. Охрана пропустила внутрь к костру, и они приблизились к Осману.

– Садитесь, – показал султан и, обращаясь к экумену, продолжил. – Возьми перо и пиши, – и он продиктовал шепотом то, что хотел указать.

– Хорошо, – вновь сказал султан, – теперь поставь дату сегодняшнего дня и подпись, скрепи печатью и приложи палец к вердикту.

То же проделал и сам султан, передавая потом все это эмиру в руки. Затем он взял документы сына, прочитал и снова произнес:

– Здесь надо сделать то же, – и участники повторили предыдущее.

– Давай сургуч и ленту, – продолжил Осман. Экумен выполнил и это.

– Теперь, разогревайте сургуч и будем опечатывать.

После не очень долгой процедуры нагревания сургуч был приклеен к ленте, а заодно и к бумаге. После чего султан приложил свою личную печать.

– Вот и все, – сурово и сухо произнес он.

Экумен ошарашенно и пугливо смотрел на него, так и продолжая стоять на коленях.

– Да встань ты, – вымолвил Осман, – и позови мою жену и ребенка.

Тот поспешно ушел, а минуты через три спустя к костру подошла женщина. Паранджа была снята с ее головы, и она предстала перед ними с открытым лицом.

Султан не рассердился. Очевидно, она уже знала это, или предчувствовала.

Женщина опустилась рядом с ним и передала в руки спящего младенца. Осман осторожно взял его на руки и, приблизив к костру, пытался рассмотреть черты его лица.

– Нет, не похож на меня, – с сожалением молвил султан, – наверное, есть все же и твоя кровь, – он обратился к жене.

Та молча кивнула головой и вновь взяла на руки ребенка, отходя немного в сторону от костра.

– Люби ее, – вдруг сказал султан, обращаясь к эмиру, – я знаю, это незаконно, но все же можно. Ты ведь знаешь, что я допускал такие грехи, но они ничего не стоят перед грехами других. Я вручаю тебе, Абдах, жену и ребенка. Смотри за ними и береги их. Теперь это твоя семья. Не бойся упомянуть ее имя вслух. Об этом тоже указано в грамоте. Теперь ты будешь моему сыну дядей, и об этом никто не будет знать, даже наши враги. А тебе, жена, говорю. Слушайся его, как меня. Он единственный, кто поможет взрастить нашего сына. Повинуйся ему и не возражай. Я знаю, у тебя осталась там на родине родня. Но ты сильно не переживай. Они уже сюда едут. Прибудут где-то через неделю ближайшим торговым судном. Юсуф держит свое слово. И последнее. Обращаюсь к вам двоим. Соберите всю свою силу в кулак и сожмите его крепче. Не выпускайте из рук то, что должно принадлежать только вам. У меня не было друзей на этом свете, но все же я умею ценить человеческую любовь и прямоту. Тебе, Абдах, я жалую лучшие земли, а тебе, жена, дарю дворец и прилегающий к нему сад. Живите с миром. Это все. А теперь поднимайте людей, я буду говорить им.

Охрана расступилась, когда султан с эмиром направились

к каравану. Некоторые уже спали, но по первому оклику глашатая сразу проснулись и присоединились к остальным.

Спустя минут пять султан, обращаясь ко всем, кто его слышал, произнес:

– Я, ваш повелитель, указанный свыше волей Аллаха, повелеваю и приказываю. Утром выступить в поход и донести слова мои до всех людей, в том числе и в провинциях. Я, глава турецкого престола, Великий Осман, сегодня был отравлен моими ближайшими соратниками, имена которых указаны ранее и поэтому покидаю свой трон. Мое место займет мой сын по совершенству лет. До этого власть передаю эмиру Абдурахиму-ибн-Из-дахиму, который отныне является для вас всех истинным повелителем и управителем. Также оставляю власть и халифату. Они будут руководить вашей духовной жизнью. Я призываю вас соблюдать порядок, должное терпение и исполнять все указы, как мои. Сверху я буду наблюдать за вами и неугодных или лишенных чувства долга буду казнить. На глазах у всех я прощаюсь с миром и оставляю вас наедине со своей совестью. Будьте покорны и справедливы.

На этом султан закончил свою речь и отошел вновь к костру. Люди взволнованно перешептывались и толпились.

Эмир подошел к султану и спросил:

– Что мне делать теперь?

– Успокой людей, и пусть ложатся отдыхать. Завтра в дорогу. Скажи, так приказал я.

Абдах развернулся и пошел исполнять последние указания султана. Вскоре все стихло, и люди разошлись, хотя вряд ли кто мог уснуть после такого сообщения. Спустя час все же сила ночи одолела, и многие уснули.

Султан сидел возле костра, низко склонив голову и, казалось, спал. Но это было не так.

Когда эмир подошел к нему, то тот резко поднял голову вверх и посмотрел. В глазах у него блестели слезы. Взор был несколько затуманен.

Никогда раньше Абдах не видел его таким, как сейчас. Казалось, от него ничего не осталось. Перед ним сидел немолодой мужчина с упавшими глазами, каким-то выдохшимся лицом и телом.

Султан ничего не сказал и понуро опустил голову вниз.

«Наверное, яд действует сильнее», – подумал эмир, присаживаясь тоже к костру.

Султан на несколько секунд вновь поднял голову, и Абдах увидел две огромные слезы, которые падали из его глаз.

Ему стало не по себе. Он встал и прошелся вокруг костра.

«Что это с ним?» – думал эмир, опускаясь вновь подле него, и тут услышал какой-то дальний и глухой голос самого Османа:

– Я плачу, Абдах, и не жалею об этом. Сейчас мой час, а твой пока не наступил. Постарайся понять меня, как можешь. Я не был бы злым и жестоким, если бы люди были сами лучше. Ведь именно они и толкали меня на это. А сколько я сдерживал себя в порыве гнева. Одному Аллаху это известно. Были моменты, когда я хотел снести с лица земли целые города с их жизнями, но все же рассудок побеждал. Я понимал, как они глупы и как долго им еще расти до нас с тобой. Мне не жалко себя, пойми правильно. Я плачу только потому, что многие меня не понимают, да и вряд ли когда-либо поймут. Я также плачу из-за того, что люди в своей глухости просто невыносимы. И я плачу еще потому, что не могу сделать ничего больше, нежели уже сделал. Потому я и ухожу, и не сожалею об этом. Моя душа уже отошла. Куда? Я не знаю, и с тобой беседует только тело, а не бывший султан. Осталось всего несколько минут.

Не бойся расстаться с деньгами и богатством, хотя это и важно. С ними можно принести больше пользы и добра другим. Но бойся остаться один, как я, когда все те, кто тебя окружает, просто не понимают, или предадут ото дня в день. Я сожалею о том, что не смог побороть в себе силу зла, хотя без нее я вряд ли добился бы чего-то большего. Все-таки есть что-то не уловимое и наделяющее нас разумом, эмир. Я уже это знаю. Моя голова пуста и свободна, как выеденное яйцо. В ней кружится ветер. Может быть, я когда-то и возрожусь, а Абдах, как ты мыслишь? Нет. Наверное, нет. Не хочу этого. Не хочу смотреть на прошлое тупыми глазами. Может, только тогда вернусь, когда обрету больше ума. Не забывай меня, эмир. Возможно, мы и встретимся где-то там, в небесах, и судьба соединит нас вновь. Но, что это я? Я чувствую, смерть совсем рядом. Сердце мое уже холодеет. Я умираю, Абдах...

Султан умер. Он умер так, как и сидел, склонив голову перед костром, как перед большим и вечным огнем. Он понимал других, а они его нет. Султан думал о них, а они о себе.

«О, Аллах, – вскричало внутри сердце эмира и так сжалось, что, казалось, он сам сейчас умрет, – так зачем ты даешь нам эту жизнь. Жить и видеть, как погибают другие, подобные и не такие как ты сам. Зачем заставляешь нас страдать из века в век!»

И послышалось вдруг Абдаху откуда-то сверху или изнутри, он уже не мог понять:

«Не мы заставляем, а вы сами себе творите зло».

– Что это? – встрепенулся Абдах, уж не послышалось ли ему.

– Нет, не послышалось, – отвечал тот же голос, – это твоя совесть. Она живет в тебе, и она говорит сейчас. Послушайся ее и начни жизнь снова.

– Но как? – спросил внутри себя же эмир.

– Живи, а она подскажет... – и голос исчез.

Эмир встрепенулся. Слезы застлали ему глаза, но он все же посмотрел на султана. Тот так и сидел, склонившись к огню.

Абдах подошел к нему и приподнял голову. Глаза султана уже закатились куда-то вверх, и он взглянул на него белыми прорезями.

Эмиру почему-то стало жутко, и он быстро прикрыл ему веки. Затем положил тело рядом и еще минут пять сидел задумавшись.

Потом подошел к повозке, пройдя сквозь охрану, и позвал жену попрощаться. Та вышла, все так же не отпуская младенца с рук, и подошла к огню. Склонившись над султаном, она поцеловала его в лоб и одной рукой придержала глаза. Затем встала и ушла обратно. Ни единого стога, окрика или чего-то еще не вырвалось из ее груди. Она словно камень, была спокойна и неприступна.

Абдах с сожалением подумал о том, как жаль ее сейчас. Она испытала всего лишь мимолетную близость, так и не успев полюбить своего мужа. Зато она любила его ребенка. И эту неистраченную силу отдавала ему.

Эмир неожиданно понял, что эту женщину не надо уговаривать и поддерживать. Она сильнее всех. И она выстоит и победит.

Глава 4

Стамбул встречал караван мрачно. Повсюду были вывешены треугольной формы флаги вперемешку с обычными ярко-красного цвета, отображающих полумесяц и звезду на сторонах.

Лихая весть донеслась сразу же по окончании султана. Были отправлены гонцы в столицу и оповещены все люди.

Народ высыпал на улицы и застыл в немом ожидании проезда колонны. Повсюду мелькали встревоженные и озабоченные лица. То тут, то там люди перешептывались о чем-то и с беспокойством поглядывали на дворец.

Колонна растянулась на километр. Впереди ехала султанская охрана, а позади на небольшой повозке везли тело султана, прикрытое боевым знаменем и украшенное живыми цветами.

Люди заглядывали на повозку и старались разглядеть самого султана, при этом все же расступались, освобождая дорогу для проезда.

Кое-кто бросал цветы под колеса, но на них прикрикивали другие, объясняя тем, что так можно делать только его верным слугам.

Колонна продвигалась медленно. Несмотря на слишком раннюю по времени весну, было уже довольно тепло. Ласково светило солнце и практически все были легко одеты.

Где-то вдалеке в небе зажглось сияние. Люди встрепенулись и подняли головы.

Над Стамбулом зажглась звезда. Все оцепенели от страха, а потом бросились на колени, моля о пощаде.

«Аллах наказывает нас», – повсюду слышались голоса, и люди молились еще больше, отчего стоял невыносимый человеческий гул.

Одни протягивали руки к небу, моля о пощаде, другие к султану, призывая его встать, но все встревожено все же продолжали смотреть на загоревшуюся звезду.

Вдруг что-то вздрогнуло под ногами. Посыпались камни с близстоящих домов. Толпа взревела и бросилась врассыпную. В суете чуть было не перевернули саму повозку с султаном.

Солнце сменилось тучей, и пошел дождь, а за ним град. Крупинки были огромными с птичье яйцо, и они больно ударяли по людям и животным.

Толпа взмолилась.

– Аллах наказывает нас за то, что не уберегли султана...

Крики тонули в диком ржании лошадей и человеческом роптании. Люди попадали под ноги лошадям, и те больно били их копытами.

Земля вновь содрогнулась, и камней посыпалось еще больше.

Звезда начала опускаться ниже и как бы уходя, но светиться ярче. Сверкнула молния, и грянул неизвестно откуда гром.

Земля снова осыпалась градом, ударяя людей, а с ними беспомощно мотающих мордами и встающих на дыбы лошадей.

Тело с повозкой перевернулось, и это еще больше испугало людей.

Они бросились под копыта лошадей, чтобы попытаться остановить их, и сразу же три человека погубило от сильных ударов животных.

Но все же люди добились своего, и тело вновь положили на повозку, а лошадей держали под узды.

Звезда упала и тихо скрылась за горизонтом.

И в тот же миг стало тихо и спокойно. Наступила мертвая тишина.

Все застыли в ожидании, лишь только лошади тревожно ржали, стараясь хоть как-то напомнить о случившемся.

Но вот, наконец, выглянуло солнце, и стало светлее и теплее.

Люди бросились на колени, включая всадников и охрану.

Еще через время пошел небольшой дождь все с той же тучи, отступившей от солнца. Но это не мешало людям замаливать свои грехи, и они упорно стояли на коленях.

Наконец он прекратился, а спустя минут десять затрубили трубы, и колонна, немного поджавшись хвостом, двинулась дальше.

Эмир с ужасом наблюдал со стороны за людской толпой. Ему почему-то казалось, что все это не случайно.

И сама смерть султана, и это затмение – как предупреждение о чем-то. Но все же он пересилил себя и дал команду о движении вперед.

Жена султана сидела рядом, но сквозь паранджу эмир не мог видеть ее лица, а значит, не мог знать, что она переживает.

Наконец, он услышал ее голос.

– Султан был прав. Они его любят и одновременно не понимают.

Абдах ничего не ответил и, оставив повозку, пошел рядом.

Спустя минуту он ответил:

– Султан во многом был прав. Но не всегда был уверен в своей правоте.

На этом разговор окончился, и они молча продолжали свой путь.

То тут, то там им попадались под ноги раненные или искалеченные, и, как все богобоязненные люди, эмир воздавал руки к небу, молясь об их спасении.

Так прошло еще немало времени. Наконец, они подошли ко дворцу.

Тревожно загудели трубы и заиграли донованы. Застучал барабан и на секунду стих.

Колонна остановилась.

В воротах дворца появился звездочет и, взяв руки к небу, прокричал:

– О, султан мой и повелитель всех, не дай нам погибнуть просто так. Дай умереть за тебя и прости нас, Великий Осман за неправоту и грехи наши.

Сказав это, он возвратился вспять, и колонна двинулась внутрь.

Дворец встречал так же, как город. Весь в траурных флагах, он скорее напоминал крепость после жестокой битвы и скорби по убиенным.

На вратах стояли часовые и в руках держали огромные пики с остроконечными флагами на конце.

Когда прошла повозка султана, они скрестили копыя, тем самым давая понять, что посторонним вход воспрещен. Ворота закрылись, и толпа осталась за ними.

Подбежали слуги и целая ватага придворцовых исполнителей. Но нигде не было видно хотя бы одного из высших лиц.

Наконец кто-то появился и вышел наружу.

Эмир узнал его. Это был Аркалык – военный паша, назначенный самим султаном.

За ним следовали то один, то другой цхетины.

«А где же Телибад, жена и другие?» – подумал тут же эмир, принимая все меры предосторожности, дабы ограбить женщину и ребенка на повозке.

И словно по какому-то условному сигналу Аркалык сказал эмиру:

– Они в тюрьме. После похорон будем казнить.

– Хорошо, – только и ответил эмир.

Зная военачальника, как своих пять пальцев, он не сомневался в выполнении сказанного пашой.

Тот был особо исполнительным и недаром султан вручил ему жезл военного начальника.

Он вновь обратился к Аркалыку.

– Ты позаботься о теле и других делах, а я позабочусь о них, – и эмир показал рукой на повозку.

Тот согласно кивнул и отошел в сторону.

– Но, куда же я их дену? – думал про себя Абдах, – к себе нельзя, тут тоже опасно. Неизвестно, все взяты под стражу или кто остался.

И тут он вспомнил за своего давнего друга – эфенди Мюра.

Тот относился к султанской тайной службе. И с ним эмиру приходилось довольно часто сталкиваться, решая какие-то вопросы.

– Вот куда я их дену, – тут же решил про себя Абдах и решительно направился к повозке. – Но, как незаметно это с делать? – снова подумал он и, вдруг что-то вспомнив, решительно повернул обратно.

Эмир подошел к одной из служанок и приказал следовать за ним. Быстро подвел к намету и почти втолкнул ее внутрь.

– Раздевайся и быстро, – сказал он.

Та, не долго думая, принялась за дело.

За это время эмир подобрал ей другой костюм из рядом стоящего султанского гардероба и, бросив внутрь, сказал:

– А этот одень и выходи спокойно. В руках будешь держать что-то похожее на куклу. Пройдешь внутрь, свернешь направо. Там увидишь дверь. Туда войди и жди меня. И закройся изнутри, – почему-то добавил эмир.

Служанка согласно кивнула и сделала то, что сказал Абдах.

Теперь оставалось дело за небольшим.

Эмир подошел к повозке, взял в руки одежду служанки и протянул ее рядом сидящей султанше.

– Возьмите и оденьте.

Та не стала спрашивать и молча, все сделала.

– Теперь заверните ребенка так, чтобы не видно было его лица и сделайте что-то вроде обычного узла.

Женщина вновь повиновалась.

– Теперь слушайте внимательно. Я пойду вон в ту сторону к воротам. Вы через время за мной и ничего не бойтесь, не оглядывайтесь. Держите свободно узел, сделайте вид, что вы просто несете мне одежду.

Она снова кивнула головой, и эмир двинулся к воротам.

По дороге он обернулся и вовремя. Чья-то, маячившая невдалеке фигура быстро исчезла с последнего окна здания. Очевидно, все же за ним следили.

Абдах покрутился еще возле небольшого каменного оазиса, а затем ушел за ворота и уже оттуда осторожно выглянул.

Женщина спокойно шла навстречу ему, при этом свободно размахивая свертком, как узлом с одеждой.

– О, Аллах, хоть бы не выронила ребенка, – прошептал Абдах, прячась вновь за воротину.

Скоро султанша поровнялась с воротами и, пройдя немного вперед, обернулась.

Абдах приложил палец к губам и показал следовать за ним. Они вместе двинулись вдоль внутренней части крепостной стены, то и дело поочередно оглядываясь назад.

Погони не было. Но радоваться было еще рано. Им предстояло выбраться из дворца, чтобы придти туда, куда он задумал.

На это ушло еще с полчаса.

Наконец, они перебрались за стену в одном из потайных и давно известных самому эмиру мест и двинулись дальше.

Дорога проходила сквозь глубокий овраг с кустами и деревьями.

Внизу протекал небольшой ручей, и даже отсюда, сверху слышалось его журчанье.

Перебравшись на другую сторону оврага, они устремились к одиноко стоящему дому где-то в глубине давно заброшенного сада.

Подойдя ближе, эмир усадил на землю женщину под ближайшим кустом, а сам двинулся дальше.

Спокойно входя во двор, он как будто и не участвовал в побеге.

Эмир постучал в дверь.

Послышался небольшой шорох, а затем она со скрипом отворилась. На пороге стоял мужчина средних лет, лысоват и одет непонятно во что.

Это и был эфенди, а вид такой имел потому, что по долгу службы ему часто приходилось заниматься не совсем подходящими делами.

– Заходи, – кратко молвил он, пропуская эмира вперед и закрывая за ним дверь, – я тебя ждал, – продолжил эфенди.

– Ты один? – спросил неожиданно Абдах.

– Да, а что есть дело? – заинтересовался Мюр.

– Да, и дело очень секретное. Сейчас я привезу сюда женщину с ребенком на руках. Кто она – тебе знать не надо. Важно знать другое – ты отвечаешь за нее головой. Сейчас сходишь к себе в управу и скажешь, что срочно уезжаешь в провинцию по делам, надолго. Об этом месте никто не знает? – тут же спросил эмир.

– Ни одна живая душа, – ответил Мюр.

– Тогда, за дело и возвращайся поскорей. Смотри, не приведи за собой хвост.

– Что ты такой нервный? – опасливо задал вопрос эфенди, успокойся, все сделаю, как надо.

– Хотелось бы, – сказал эмир и вышел из дома.

Он тихим голосом подозвал к себе женщину и зашел с ней в дом.

Эфенди оставался пока здесь, и эмир сказал:

– Познакомься, это она, тебе незачем видеть ее лицо.

– Что, так зовут? – удивился наигранно эфенди.

– Да, так зовут, – совершенно спокойно произнес эмир, – давай же, иди быстрее и не задерживайся. Да! Заодно возьми продукты на рынке и захвати несколько одеял.

– Хорошо, – ответил Мюр и вышел из комнаты.

Женщина продолжала стоять, держа ребенка на руках.

Абдах обошел дом и выбрал довольно хорошую комнату с выходом в глубину сада.

Он позвал ее и, заведя внутрь, сказал:

– Вот здесь вы пока и будете жить. Ни с кем не разговаривайте. Все, что нужно, вам подадут. Во двор не выходите, а на улицу лучше, когда мало видно и никого нет. Оденьте лохмотья, как и хозяин.

Женщина понимающе кивнула, но добавила:

– Оставьте мне ружье и кинжал.

– Хорошо, – ответил эмир, ничуть не удивляясь ее просьбе.

– Вас будут охранять двое. Хозяин и еще один из его же службы. Но смотрите сами и действуйте по обстановке. Об этом месте не знает никто и за время разбирательства в смерти султана, я думаю, вам опасаться нечего. А дальше я придумаю кое-что получше. Вам что-нибудь еще нужно?

– Да, обкутки для младенца.

– Ну, с этим просто, – и он взял лежавшее на постели покрывало, и разорвал на куски. – Этого достаточно?

– Нет, мало.

– Тогда я скажу Мюру, он выделит еще.

– А как вас зовут? – неожиданно спросила она.

Абдах сам был обескуражен этим вопросом.

И, правда, самого Бахчисарая знакомы, а друг друга не знают.

Поэтому он ответил:

– Меня зовут Абдурахим-ибн-Из-дахим, но люди зовут попроще – Абдах. Вы тоже можете меня так звать.

– А меня зовут Катерина, – ответила женщина, – или просто Катя.

– Вы что, русская? – спросил эмир.

– Нет, я с Малороссии, с Украины, там я выросла и жила.

– А-а, – протянул Абдах, – это те места, где Юсуф-паша побеждает?

– Да, – огорчилась почему-то Катерина.

– А какое имя вам дал Султан при введении? – спросил опять Эмир.

– Гуляб, – ответила она и опустила голову.

– Хорошо, так будет лучше, а то Катерина слишком режет уши, тем более в этих местах.

Договорились?

– Да, – с неохотой ответила женщина.

С улицы донеслись чьи-то шаги, и эмир приложил палец к губам.

Но тревога оказалась напрасной. То был Мюр.

– Ну и быстро ты управился, – похвалил Абдах.

– Что не сделаешь для лучшего друга, а ты, я вижу, не терял время даром, – сказал тот, показывая рукой на разорванное покрывало.

– Да, понадобились укутки для ребенка и этого мало. Так что, позаботься.

– Хорошо, я достану.

– Не надо их искать. Порви лучше еще одно.

– Ты меня разоришь, – засмеялся Мюр.

– Ничего, ты свое наверстаешь, – успокоил эмир, – ну, хорошо. Оставайтесь здесь и ни звука. Мне надо идти. Я буду сам приходить и узнавать что нужно. Второй меня знает? – спросил Абдах.

– Да, – ответил, посерьезнев, Мюр.

– Тогда все. Я пошел, – и он двинулся к выходу, но на пороге еще раз обернулся и добавил, – будьте осторожны.

Гуляб кивнула головой и опустила на топчан, где должна была провести ближайшее время с маленьким сыном в этих суровых, одиноких стенах.

Ей почему-то вспомнилось ее детство и юность, проходящие так же напряженно, если еще не хуже, от постоянных набегов и пожаров, их преследующих.

И кто знает, где было сейчас лучше. То ли здесь, с маленьким ребенком на руках, то ли на ее далекой родине в гибнущей массе таких же, как и она сама.

Глава 5

Эмир пробирался назад тем же путем, что и сюда. По дороге он, то и дело, прислушивался к посторонним звукам и старался сам не нарушать спокойствия природы.

После столь неудачно сложившегося времени долгого испытания, наконец, наступил час достопочтенного признания всех его ранее совершимых трудов.

Султан оставил ему власть и причем, практически, ничем не ограниченную. Даже халифат в этом случае ничего не мог поделывать.

И тут он вспомнил о драгоценной шкатулке с документами и алмазом.

«Ах, побей меня гром еще раз, – холодный пот прошиб его голову, – я ведь оставил ее в повозке. То же касается и экумена. А за ним ведь тоже надо было присмотреть и пока приставить охрану. Но кого, когда сам не знаешь – кто друг, а кто враг?»

Эмир ускорил свои шаги, понимая, что в любую минуту документы могут исчезнуть, а это беда и, причем большая.

Попробуй, потом докажи, что это сын султана и его жена.

Вскоре показалась и крепостная стена.

Эмир осторожно выглянул из-за деревьев и вновь спрятался. Кто-то смотрел со стены прямо на него, но, наверное, не видел, так как оставался неподвижным.

Всмотревшись, Абдах обнаружил, что это просто тень от деревьев, растущих прямо возле стены.

Но только он собрался было взойти на нее, как вдруг действительно показалась чья-то голова.

Абдах снова спрятался и молча наблюдал за происходящим. Голова исчезла, но потом появилась снова, а вскоре показалось и тело.

Кто-то лез сюда, на эту сторону, спускаясь по дереву.

Эмир решил подождать, что же будет дальше. И вдруг, в руках у незнакомца он ясно увидел то, что вручил ему Осман перед смертью.

Это была шкатулка.

– Собака, – выругался эмир, но делать было нечего и ему осталось только поджидать его в кустах.

Спокойно опустившись на землю, незнакомец направился прямо к нему.

И тут эмир узнал в нем самого себя.

– Что это? – подумал он, – мираж или я уже брежу? – но все ж сохранил присутствие духа и всмотрелся ближе.

Это был почти юнец, так молодо он выглядел, но одет почему-то в его одежду и со шкатулкой в руках.

Абдах дождался, пока тот подойдет поближе и резко выскочил ему навстречу. Юноша растерялся и не знал, что предпринять.

Эмир вытащил из-за пояса кинжал и произнес:

– Ну ка, давай сюда то, что несешь и немедленно снимай мою одежду.

Тот молча повиновался, при этом немного поскуливая, как щенок.

Очевидно, это был просто воришка, неизвестно как пробравшийся во дворец.

А так, как там сейчас не до него, то стащить все это было легко.

Юноша отдал все Абдаху и почти голый, в каких-то лохмотьях стоял перед ним, весь дрожа.

Сердце у эмира немного дрогнуло, и он сжалился:

– Хорошо, оставь одежду себе, а ровно через три дня придешь ко мне во дворец. Я тебя возьму на службу.

От удивления юноша раскрыл рот и стал дрожать еще больше.

– Не бойся, – успокоил его Абдах, – если бы я хотел тебя убить, то сделал бы это сейчас.

Поэтому иди и не забудь, что я сказал. А зовут меня – эмир Абдах, знаешь такого?

Парень тут же упал на колени и замолил о пощаде.

Почему-то эмиру стало жаль его, и он вновь произнес:

– Хорошо, прощаю, но чтобы это было в последний раз.

Юноша довольно закивал и мигом исчез из глаз, рассыпая по дороге благодарности в его адрес.

– Наверное, сам Аллах послал его ко мне в руки, – произнес тихо эмир и открыл шкатулку.

Все лежало так, как он и положил. Печати были целы и не тронуты.

Алмаз лежал тут же и ярко отражал солнечные лучи.

Облегченно вздохнув, эмир закрыл шкатулку, и хотел было двинуться дальше, но что-то заставило его обернуться назад, и он оглянулся.

Позади него стояла женщина, вся в белом и тянула к нему руки.

Абдах закрыл глаза и вновь открыл. Видение исчезло, но вдруг внутри послышалось вновь:

– Не посрами себя, Абдах, и сделай то, о чем просил султан.

– Кто ты? – спросил снова сам себя эмир.

– Я твоя совесть и живу в тебе. Не забывай об этом...

Все исчезло так же, как и появилось.

– Уж не схожу ли я с ума? – подумал, было, эмир, но голова работала прекрасно и чувствовал он себя вполне здраво, – странно все это, – продолжил он мысль, но все же решил присматривать сам за собой.

Спустя секунду, Абдах двинулся дальше, держа в руке ту маленькую шкатулку, что так нелепо возвратила ему в руки сама судьба.

По тому же дереву он забрался на стену и оглянулся. Все было тихо и спокойно. Лишь где-то вдалеке он видел, как только что бежавший юноша пересекал какой-то участок рощи.

Эмир спрыгнул вниз и, хотя стена была не особо высокой, все же почувствовал хороший удар в ноги.

В голове загудело. Теперь предстояло поискать то место, куда бы можно было спрятать драгоценную шкатулку.

Абдах напряженно думал. Наконец, приняв решение, двинулся дальше.

В глубине крепостной траншеи, которая опоясывала наружную стену дворца, он увидел обыкновенную серую постройку, давным давно заброшенную теми, кто когда-то здесь жил.

«Вот то место, куда можно спрятать», – подумал, было, Абдах, но сомнения не давали ему покоя.

А вдруг с годами траншею заруют или что еще случится – тогда, как найти все это.

Потому он решил пойти дальше.

Пробравшись в сам дворец все тем же маршрутом, эмир к своему удивлению уже никого там не обнаружил.

Повозки стояли пустые, лошади разнузданы и отправлены в стойла. Лишь небольшая часть слуг суетливо шевелилась и убирала те или иные места.

Эмир спокойно прошелся по двору, и вдруг заметил, что за ним кто-то наблюдает все из того же злополучного окна.

Он, не подавая виду, прошелся еще раз и искоса понаблюдал за смотрящим.

Но лицо неизвестного скрывала какая-то серая маска, распознать в которой кого-то было просто маловероятно.

Поэтому Абдах оставил эту затею и, удерживая в руках шкатулку, прикрытую куском рваной материи с одежд все того же юноши, направился к тому месту, куда отправил первоначально служанку.

Он вошел в коридор и свернул направо. Дверь была немного приоткрыта, и это показалось ему подозрительным.

Абдах осторожно нажал на нее и заглянул внутрь. От ужаса увиденного у него немного помутилось в глазах.

Голова служанки лежала на полу с широко раскрытыми пытливыми глазами, а язык высунулся наружу.

Эмир поморщился и отшатнулся в сторону. Было ясно, что враг не спит и скорее всего в крепость посажены только лишь пешки или прямые исполнители заговора.

Кто-то же другой, более сильный находится на свободе. Абдах все же нашел силы и зашел внутрь.

Тело лежало в стороне, широко раскинув руки, а узелок с набитыми одеждами исчез.

Итак, стало понятно. Охотились именно за ребенком.

Но кто?

Пока эмир не мог ответить на этот вопрос. Он вышел в коридор, и нос к носу чуть было не столкнулся с Аркальком.

Тот удивленно посмотрел на него, но, так ничего и не сказав, прошел мимо.

Только сейчас эмир посмотрел сам на себя. В некоторых местах его одежда была изодрана сухими ветками и клочья сваливались у него с плеч и боков.

Кое-где пристала грязь из ручья, и это придавало тот ужасный вид, от которого мог отшатнуться каждый.

Абдах вновь выругался про себя. Как же он забыл об осторожности и внешнем виде.

«Наверное, слишком забита голова другим», – так он решил после осмотра себя.

Но делать было нечего и, немного отряхнувшись и оборвав до конца отдельные клочки его одежд, эмир двинулся в направлении сада.

Выходя из помещения, он краешком глаза наблюдал – не появится ли голова или что-то глаза вновь в окне.

Но, увы, этого не случилось, и эмир спокойно пересек площадь.

Обходя оазис с фонтаном, Абдах обратил внимание на его дно. В некоторых местах оно было лопнуто и исковеркано временем.

– Вот, идеальное место для сохранности, – сразу пришла мысль ему в голову, – но, как положить это туда. Ведь фонтаны отключались только на ночь, да и то на короткое время.

Немного поразмыслив, Абдах пришел к выводу, что надо разделить содержимое шкатулки.

Грамоту о рождении сына султана он решил спрятать во внутренней стене одной из построек, а алмаз – сунуть в бассейн с фонтаном.

Но, опять ему в голову пришла мысль, а вдруг когда-то потребуется ремонт, и рабочие найдут то, что он спрячет.

Нет, это место снова не подходит.

Покрутившись немного, он пошел дальше вовнутрь дворца.

И слева, и справа его окружали постройки без окон и дверей.

Это были древние застройки османских предков, в которых жили слуги и прочая вспомогательная сила.

Сейчас там никого не было, так как необходимо было делать ремонт.

– Опять не подходит, – подумал эмир, – а впрочем, почему бы и нет? Сейчас никто не живет, да и вряд ли будет жить в дальнейшем. Ведь все уже давно перенесено ближе к самому основному зданию.

Поэтому, внимательно взглядываясь в стены, он искал то место, куда бы можно было это спрятать.

Наконец, глазами эмир выбрал такое и отметил его в уме. Здесь он решил спрятать грамоту.

Но, куда же положить алмаз?

И тут, неожиданно для него самого, пришло решение.

– Под ноги, – провозгласил тот же голос.

Абдах аж обернулся по сторонам, так неожиданно резко все это прозвучало, но все же сохранил спокойствие и пошел дальше.

Теперь, и слева, и справа уже не было каких-либо построек, а наоборот, все застилал сад. Райский сад или уголок – так его называл сам султан.

Он любил отдыхать здесь, слушать пение птиц и смотреть на небо, лежа на обыкновенной траве.

Вглубь сада вела каменная аллея, которая расходилась потом в стороны и вновь сходилась, замыкаясь и образуя что-то вроде неровного кольца.

В самом центре сада была небольшая поляна с таким же каменным полом в виде разных по цвету и росписи квадратов и прямоугольников.

Выбрав опять глазом одну из таких плит, Абдах решил, что именно сюда он положит этот алмаз.

Теперь предстояло выбрать время.

И эмир решил, что лучше всего, это сделать около полуночи.

В это время происходила смена караулов и прочих служб, обслуживающих дворец, и выскользнуть из основного здания можно было практически незаметно.

К тому же эмир знал одно тайное место, сквозь которое всегда ходил сам к султану, а тот – к своим женам.

Ход проходил сквозь женскую половину дворца, но только лишь стороной и чтобы попасть в какую либо из комнат, надо было незаметно приоткрыть одну из потайных дверей.

Это также давало возможность наблюдать за своими женами самому султану и некоторым его доверенным лицам, включая и эмира.

Всего о ходе знали три человека.

Покойный султан, он и Абдуль-ибн-Саид, но так как последний сидел в тюрьме, то бояться было нечего.

Но, кто знает, возможно, тот же Абдуль кому-либо проговорился об этом и тайна хода уже раскрыта?

Все может быть. Но делать было нечего, и эмир решил все же его использовать, правда, соблюдая осторожность.

Остаток дня прошел в церемониальных заботах и отданных налево и направо распоряжениях, от которых у самого Абдаха голова ходила кругом.

Наконец, немного освободившись, он устало присел на топчан, стоявший рядом в комнате для служб и потянулся было к вину, играющему в лучах света лампы рубиновыми огоньками.

Но, в последнюю минуту решил, что оно может быть отравлено и с ужасом отдернул руку. Резко обернувшись, он посмотрел по сторонам: никто ли за ним не наблюдает?

Все было так же тихо и чинно, как и всегда. Тогда он решил проверить это.

Абдах сел на пол и начал творить намаз, из-под себя наблюдая за какими-либо изменениями в комнате.

Наконец, ему все же удалось заметить, как небольшая штора в углу комнаты немного шелохнулась.

Очевидно, там кто-то стоял. Спокойно, не производя шума, Абдах встал и как бы невзначай направился именно туда, на ходу потихоньку опуская руку к кинжалу.

Отдернув штору, он ничего не увидел, и это удвоило его тревогу.

Что-то здесь было не так.

Эмир уже было хотел отойти в сторону, как вдруг что-то заинтересовало его взгляд. Абдах приблизился снова и, постепенно обследуя руками стену, наткнулся на что-то необычное в виде пуговицы.

Он слегка надавил ..., и прямо перед ним открылась глубокая ниша, в которой вполне мог помещаться человек примерно его роста.

Дальше ниша уходила в глубину комнаты, что говорило о том, что здесь имелся подземный ход.

Мурашки поползли у эмира по спине.

– Значит, не все я знаю до конца, – думал он про себя, – и это еще одно доказательство, – сказал он почти вслух, закрывая нишу.

Теперь ясно, почему штора колыхнулась.

Это был просто сквозняк от располагающегося рядом подземного хода.

– Но, куда же он ведет? – не унимался эмир. – И зачем кому-то понадобилось выслеживать мои распоряжения?

– Стоп, – остановился на ходу размышления Абдах, – я отдал приказание снабдить всех охранников вином для похоронной службы султана. Уж не здесь ли кроется подвох? Может кто-то хотел овладеть телом султана и сорвать похороны? Все может быть. Надо проверить на всякий случай.

Перебирая в уме все другие распоряжения, он не нашел чего-то такого, заслуживающего особого внимания и решил все же остановиться на прежнем решении.

– Надо заодно обследовать этот ход и узнать куда он ведет, – продолжал думать эмир.

Все шло к тому, что этой ночью вряд ли удастся поспать.

Абдах уже и так не спал вторые сутки, а теперь предстояло выдержать еще и третьи.

– Надо чем-то подкрепить свою голову, – подумал он, и хотел было налить себе вина, но вспомнив все о том же, в который раз одернул руку.

– Нет, не в этот раз, – заключил Абдах и решительно зашагал прочь из комнаты.

Он вышел на улицу и оказался посреди ночи. Вокруг уже было темно, и на небе ярко светили звезды. Они то и дело перемигивались, как бы давая понять эмиру, что все это злая шутка, и что вскоре все станет на свои места.

Абдах тяжело вздохнул:

– Да-а, не думал я, что султанская жизнь окажется такой горькой. И это еще не причины. Настоящая борьба только впереди. Зачем ему все это? – подумал опять эмир. – Проще было бы оставаться там, где и прежде: меньше работы и меньше хлопот. Наверное, покойный султан не случайно наградил меня такой властью, зная, как это нелегко. А я то думал, что ему проще, чем мне.

Он опять вздохнул и пошел по двору.

Оказавшись возле фонтана, Абдах вспомнил о первоначальном своем замысле и криво усмехнулся.

За те последние четыре часа, которые он провел в толкотне и суете распоряжений, это казалось далеким и не реальным.

Но все же, надо было завершать начатое, и эмир зашагал в сторону подсобного помещения.

Все это время за ним неотрывно следила пара человеческих глаз. Мужчина среднего роста с немного покореженным лицом, отчего улыбка его становилась гнусной и неприятной, топтался на месте, разминая свои ноги.

Вдруг он почувствовал, как холодная сталь ножа коснулась его горла, а затем резко прошла по нему.

Глаза его наполнились слезами, а рот кровью.

Мужчина упал, так и не поняв до конца, что с ним случилось. От него в сторону отошла тень и медленно удалилась в темноту.

Абдах, найдя лопату и небольшую кирку, взял их в руки и направился было к дворцу. Но вспомнив, что это может вызвать подозрение у кого-либо, взял большой кусок ткани, висевший тут же, и все обвернул.

Теперь его ноша была похожа скорее на что-то вроде походного оброка, которым пользовались все воины султана.

– Вот так-то лучше, – с удовлетворением думал эмир, отправляясь в свои апартаменты. По дороге он никого не встретил, и это несколько ободрило его.

Заходя внутрь, Абдах принял все меры предосторожности.

Сначала выдвинул вперед на уровне своей головы сверток, а затем хотел уже было войти сам, как вдруг по свертку что-то ударило и отскочило в сторону.

Присмотревшись, эмир увидел, что то змея, отползающая в темноту.

– О, Аллах, ты снова меня спасаешь, – тихо прошептал он и осторожно двинулся дальше.

Укусы таких змей были во многих случаях смертельными, но эмир все же их мало боялся.

Его детство прошло в общении с гюрзами и другими более мелкими змеями. Поэтому, он умел с ними обращаться.

Но все же это было неприятно и, проходя дальше, Абдах все так же выставлял оброк впереди себя.

Вскоре он зашел внутрь и с облегчением вздохнул. Теперь эмир понимал, что дальше в его жизни не будет ни минуты расслабления, и ни секунды забвения. Все это оставалось в прошлом.

Голова устало качалась на его плечах, но все же пока держалась, мысленно борясь со сном и наступившей внезапно вялостью.

Абдах вновь потянулся к вину. И опять его рука застыла, так и не дойдя до намеченной цели.

– Что за собачья жизнь, – прошептал он, – даже выпить нельзя, боясь за свою драгоценную жизнь. А не послать ли это все подальше, – подумал эмир, опуская руку, – но нет, нельзя, я же обещал султану, и кто позаботится о его сыне, кроме меня.

Вспомнив о нем, он невольно вспомнил и о бывшей жене султана.

– А она красивая и стройная, – почему-то вслух произнес он сам себе, – надо бы получше ее разглядеть, а то в пылу боя это было просто невозможно.

Почему-то запомнились ее серые глаза и длинные темно-коричневые волосы. Остального он пока не помнил, но знал, что оно не менее красивое и лицеприятное.

Султан не выбирал себе жен. Их выбирали ему слуги. А они руководствовались только красотой и фигурой.

Хотя, судя по всему, у этой есть, кроме этого, еще и ум в голове.

Продолжая думать о ней, эмир даже на минуту забыл о том, что он собирался делать, но вот, встрепенувшись от того, что почувствовал уклон головы, снова взялся за дело.

Он прошелся по комнате, встряхнув головой несколько раз, отгоняя дремоту, и приблизился к шторе.

Резко отбросив ее в сторону, он оказался лицом к лицу с оцепеневшей от ужаса чьей-то головой.

Сердце эмира взволнованно застучало. То была голова Сигизмунда. Все указывало на то, что его слежка замечена, а виновник раскрытия заговора наказан.

Теперь было бессмысленно лезть в этот ход, так как либо он никуда не приведет, либо там ждала какая-нибудь ловушка.

Поэтому, задернув шторы обратно и отойдя в сторону, Абдах решил завтра же утром приказать зарыть этот ход, а заодно обследовать другие стены, в том числе и потолок.

Теперь надо было приниматься за основное.

Но как. Идти прямо, у кого-то на глазах нельзя.

То, что за ним постоянно кто-то следит, сомнений не было. Надо перехитрить.

Чтобы забраться в потайной ход, нужно пересечь комнату и в самом углу незаметно укрыться под небольшой софой, предназначенной для музыкантов.

Голова напряженно работала... Свет. Вот, что может выполнить задуманное. И он решил сделать вид, что ложится отдыхать, а затем, потушив освещение, незаметно исчезнуть.

Так было и сделано.

Спустя пять минут, эмир со своим грузом продвигался по потайному ходу. Света не было, и он на ощупь пробирался в темноте.

Вдруг что-то холодное и скользкое оказалось под рукой. Абдах хотел уже было отдернуть руку, но вовремя вспомнил, что змеи не любят резких изменений температур и, придерживая одной рукой ее за туловище, другой аккуратно нащупал голову.

С силой сжав, он почувствовал, как что-то хрустнуло под его пальцами, а затем змея, дернувшись, застыла.

Абдах бросил ее под ноги. На лбу выступила испарина.

– Очевидно, и сюда они забрались, – подумал эмир, – вряд ли змея сама заползла, хотя все случается?

И он продолжил свой путь, так как выхода другого уже не видел.

Шкатулка все время лежала у него внутри на поясе, аккуратно притороченная к туловищу материей, от чего казалось, что у эмира небольшой живот, несмотря на его довольно молодые годы.

Всего лишь тридцать шесть исполнилось ему в этом году, а он уже был стар душой и млад знаниями подобных дел.

С невеселыми мыслями продвигался эмир по темному ходу. Оброк с лопатой и киркой висел у него за спиной, как колчан со стрелами в прежние времена.

До женской половины оставалось совсем немного, как вдруг где-то впереди ему послышались приглушенные голоса.

– Кто бы это мог быть? – подумал тут же эмир, прячась в одну из заранее приготовленных ниш для подобных наблюдений.

Там было сыро и, слава Аллаху, пусто.

Абдах поуютней устроился и стал ждать появления непрошенных гостей, на всякий случай, оголив свой кинжал.

Двое, судя по голосам, были мужчиной и женщиной. Они продвигались тихо, лишь изредка перешептываясь.

Вскоре остановились совсем рядом возле него, и эмир услышал их разговор.

– Где-то здесь должен быть выход, – послышался голос женщины и почему-то показался знакомым.

– Нет, не здесь, – отвечал мужчина тугим натянутым голосом, отчего казалось, что он говорил это, сдерживаясь.

– Ты ошибается, – повторила женщина, – это здесь и надо нащупать потайную рукоять и она откроется.

– А куда мы попадем? – спросил неуверенно мужчина.

– В палату султана, – ответила она.

– А, что там надо делать? – еще раз задал вопрос неизвестный.

– Надо поискать документы. Может они у него на теле или рядом. Кстати, вы нашли экумена, ходившего с султаном?

– Пока нет, он куда-то исчез.

– Надо обязательно до него добраться, – спокойно произнесла женщина, – иначе это грозит неприятностями.

– Слушай, Гизляр.., – хотел было произнести мужчина.

– Тс-с-с, – засычала она в ответ, – не называй моего имени вслух. Это опасно.

– Да здесь же никого нет, – ответил неизвестный.

– Кто его знает. Может и есть. Давай, лучше ищи рукоять.

И они продолжили в тишине свои поиски.

Рукоять находилась как раз над головой эмира, и он с ужасом наблюдал, как чьи-то пальцы ошупывали пространство возле его уха.

– Есть, – зашептала вновь женщина, и потайная дверь тихо отворилась.

Это было совсем рядом с нишей, и эмир почти сжался в комок от того, что его немного прищемили дверью.

– Что-то она плохо открывается, – сказала вдруг женщина, – уж не сломалась ли?

– Да, оставь ты это, – ответил неизвестный, – скорее проходи внутрь.

– Женщина послушалась и прошла в палату, за ней последовал и мужчина, так же тихо прикрыв за собой дверь.

– Фу-у, – облегченно выдохнул Абдах, – теперь понятно, кто за этим стоит.

Судя по всему, это жена султана и ее неугасающий верный друг эмир Абуль-сах, который занимал одно из важнейших мест в Диване и отвечал за торговлю и управление казной государства. Но что-то здесь все-таки не вяжется? Наверное, кто-то еще хотел бы завладеть документами.

Но думать сейчас об этом было некогда, и эмир, выбравшись потихоньку из ниши, двинулся дальше.

По пути заглянул внутрь женской половины. Там было тихо и спокойно. Лишь изредка прохаживался какой-либо охранник из числа евнухов.

Абдах прикрыл окошко и двинулся дальше.

Спустя полчаса он уже выходил наружу в том заветном сердце саду.

Луна ярко освещала аллею и, казалось, сама утопала в ней.

Эмир невольно выругался. Опять ему мешали. Теперь уже сама природа. Но вдруг, свет стал поменьше и через минуту исчез вовсе.

Абдах поднял голову вверх. Луны видно не было, но какая-то туча заслоняла ее свет.

– О, Аллах, помоги мне, – прошептал эмир и двинулся в направлении стены.

Спустя минуту он был на месте и, озираясь по сторонам, принялся потихоньку счищать замазку с прилегающих довольно плотно друг к другу камней здания.

На это ушло около часа. Луна выглянула опять и осветила

сад с прилегающими зданиями.

Но Абдах находился в тени, а потому уже не боялся быть замеченным и спокойно продолжал трудиться.

Спустя час он вытащил огромный камень, обдирая пальцы и кожу на руках. Затем, аккуратно выдолбив внутри небольшое углубление в следующих камнях, вложил туда грамоту, предварительно обернув ее в непромокаемую пелурю и обсыпав сухой известняковой глиной.

Потом все вставил на свои места и аккуратно, той же стертой глиной, заделал все щели.

Отойдя в сторону, он посмотрел на выполненную работу.

– Вряд ли кто догадается искать здесь среди огромного количества камней какую-то грамоту, – подумал Абдах и удовлетворенно потер руки.

Вдруг, со стороны двора послышались твердые шаги. Эмир упал на землю и замер.

Ничего не подозревая, ему навстречу шел вооруженный охранник. Не доходя метров пять, он почему-то круто развернулся и пошел обратно.

– Наверное, ему помешала вновь наскочившая на тучу луна, – подумал Абдах, но где-то внутри тревожно закралась мысль, что кто-то помогает ему. Может, даже сам Аллах.

И почему-то силы стало от этого больше, а уверенности вдвойне.

Эмир уже хотел уходить, как вдруг вспомнил, что надо бы это место запомнить.

Но как?

Вокруг темно и нет ничего такого, способного ему в этом помочь. Наконец, он решил что-то и, подойдя к стене, аккуратно нанес черту на камень, но, немного подумав, опять стер.

С секунду поразмыслив, эмир отошел в сторону и посмотрел вверх.

Луна находилась прямо над ним и, хотя ее хорошо видно не было, все же очертания он смог разглядеть. До стены насчитывалось четыре шага. От земли он насчитал пятый камень, если не считать фундаментного заложения.

Посмотрев вправо, он увидел арку, как бы обозначающую вход в этот промежуток.

Эмир сосчитал шаги. Их оказалось двадцать четыре.

Затем он отсчитал шаги назад к другому зданию, стоявшему напротив.

До него было тридцать восемь шагов.

Став на место, эмир снова посмотрел вверх. Луна также была над ним, а где-то вдалеке послышался бой. Наступила полночь.

– Вот и хорошо, – подумал Абдах и, забрав свой инструмент, пошел дальше в глубину застроек.

Вскоре он очутился на краю аллеи.

Луна снова вышла из-за туч, и ему пришлось спрятаться под кустами. Чтобы не терять время даром, Абдах потихоньку начал переползать с места на место в направлении поляны с каменным полом.

Минут через двадцать он оказался у намеченной цели. Но, так как луна все еще ярко светила, ему ничего не оставалось делать, как ждать.

Чтобы не уснуть, эмир раскрыл шкатулку и достал оттуда алмаз.

Тот сверкнул в его руках и как бы весь зажегся изнутри.

Величиной он был с крупное куриное яйцо и, казалось, что весь объят ярким зелено-вато-сизым огнем.

Повернув его в руках, эмир увидел, как от алмаза отделился небольшой луч и ярко осветил одно из близлежащих мест.

– Что за чудо? – вдруг заинтересовался Абдах, чувствуя, как его сердце забилося в волнении.

Повернув его опять немного, эмир увидел, что луч исчез.

Тогда он снова вернулся в прежнее положение.

Луч появился и выбил из места небольшую горстку песка. Это было видно, как днем.

– Я что, опять схожу с ума? – подумал Абдах, то и дело, вращая камень в своей руке.

И вновь, при определенном уклоне камень светился и подавал луч в строго направляемую им сторону, от чего то там, то там вздыбливались вверх небольшие частицы песка. Казалось, камень стрелял во что-то неизвестно, чем и как.

Эмиру даже показалось, что он нагревался при этом, но так как он долго не держал в одном и том же направлении, то луч исчезал, а камень чуточку остывал.

Абдах заинтересованно рассмотрел его грани и сосчитал. Их было ровно тридцать три и только одна, почти стертая половинка тридцать четвертой, что придавало камню какую то непропорциональную внешность.

Покрутив его еще немного в руках, эмир пожал плечами и положил обратно, предварительно вложив его в такую же пелурею, специально приготовленную кем-то ранее.

Спустя полчаса луна исчезла, и эмир бросился выполнять задуманное.

Трудность заключалась в том, что необходимо было наиболее незаметно приподнять толстую плиту и вложить под нее алмаз.

Поэтому, пришлось долго и упорно потрудиться. В общей сложности, учитывая то появляющуюся, то скрывающуюся луну, у него ушло три часа.

Уже почти брезжил рассвет.

На землю почему-то начал опускаться небольшой серо-молочный туман. Наконец, эмиру удалось приподнять плиту, и он аккуратно выдолбил под ней место для камня.

Затем, поступив так же, как с грамотой и сунув его еще дополнительно в одну из ранее приготовленных пелурей, Абдах завершил свою работу.

Он аккуратно опустил плиту обратно и заделал все щели. Затем, немного походив и попрыгав на ней, произвел дополнительный осмотр. Все плотно прилегало и не вызывало подозрений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.